

УДК 82(092)

DOI 10.22455/2541-7894-2019-6-79-133

Евгений ЗАЧЕВСКИЙ

ЗАОКЕАНСКИЕ ДЕБЮТЫ «ГРУППЫ 47», ИЛИ ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимодействия немецкой литературы середины 1940-х гг. с политикой, культурой и литературой США и истории становления идейной платформы будущей «Группы 47» – крупнейшего литературного объединения ФРГ. Еще с конца 1944 г. для немецких военнопленных в США велась активная пропаганда американской демократии и свободы. В марте 1945 г. в Форт Кэрней был создан единый печатный орган – немецкоязычная газета *Der Ruf*, задача которой заключалась в «перевоспитании» немецкой нации, формировании и консолидации демократического мышления американского образца после поражения национал-социализма (подобные настроения были выгодны США во многом для укрепления своих позиций перед «коммунистической угрозой»). Вокруг *Der Ruf* в США сплотились молодые писатели и публицисты А. Андерш, В. Кольбенхоф, Г.В. Рихтер, В. Шнурре, Ф. Минсен, В. Манцен, которые впоследствии составили костяк «Группы 47». Американский этап издания газеты включал в себя как смену политического курса *Der Ruf* (от жесткой цензуры материалов и нейтральной позиции редакции относительно фашистской идеологии до «антинемецкой» направленности ряда статей), так и выработку философских и эстетических установок издателей, творческое переосмысление опыта американской литературы. По возвращении в Германию молодые литераторы возобновили публикацию *Der Ruf* в Мюнхене, нуждаясь в площадке для свободного изложения собственных идей о настоящем и будущем Германии. Несмотря на скорый уход из редакции А. Андерша и Г.В. Рихтера, издание стало важнейшей вехой на пути создания литературы ФРГ после 1945 г. Именно в ходе деятельности группы *Der Ruf* получили свое развитие антифашистские и антимилитаристские взгляды молодого поколения литераторов ФРГ, нашедшие отражение в литературе «Группы 47». Изучение публикаций газеты позволяет сделать вывод о прочном взаимодействии западногерманской литературы с американской словесностью.

Ключевые слова: литература ФРГ после 1945 г., «Группа 47», литература США, *Der Ruf*, Альфред Андерш, Ганс Вернер Рихтер.

© 2019 Евгений Александрович Зачевский (д.ф.н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия) archont35@mail.ru

Evgeny ZACHEVSKY

OVERSEAS DEBUTS OF “GROUP 47”: CONSIDERING THE ORIGINS OF THE POST-WAR GERMAN LITERATURE

Abstract. The article examines the interaction of German literature of the mid-1940s with the politics, culture and literature of the United States and considers the history of the formation and the ideological platform of the future “Group 47” – a large literary association in Germany. Since the end of the 1944, American democracy and freedom were actively promoted among German prisoners of war in the United States. In March 1945 the German-language newspaper *Der Ruf* was created at Fort Kearny. It was aimed at “re-education” of the German nation and consolidation of the American-style democratic thinking after the defeat of national socialism (such politics was beneficial to the US for strengthening their positions in front of the “communist threat”). *Der Ruf* united young writers and publicists W. Kolbenhoff, H.W. Richter, W. Schnurre, A. Andersch, F. Minssen, W. Manzen who subsequently formed “Group 47”. The American period of *Der Ruf* included both changes in its political course (from rigid censorship of materials and neutral attitude towards the fascist ideology to the “anti-German” orientation of some articles) and the development of philosophical and aesthetic views of publishers, a creative rethinking of the American literature experience. After returning to Germany, the young writers continued publishing *Der Ruf* in Munich in search of a platform for the free expression of their own ideas about the present and future of Germany. Despite the imminent departure from the editorial office of A. Andersch and H.W. Richter, the publication became a major milestone in the creation of the post-war German literature. *Der Ruf* activity contributed to the development of the anti-fascist and anti-militarist views of the younger generation of writers of the West Germany that reflected in the “Group 47” literature. A study of the newspaper suggests a strong interaction between West German literature and American literature.

Keywords: Post-war literature of West Germany, “Group 47”, American literature, *Der Ruf*, Alfred Andersch, Hans Werner Richter.

© 2019 Evgeny A. Zachevsky (Doctor Hab. in Philology; Professor emeritus, Peter the Great St.-Petersburg Polytechnic University, St.-Petersburg, Russia) archont35@mail.ru

Роль США как ведущей и направляющей силы в послевоенном политическом и экономическом развитии Западной Германии общепризнанна. Однако культурная экспансия США в Западной Германии, «любимой колонии США», по едкому замечанию Томаса Манна¹, начала формироваться задолго до разгрома фашистской Германии.

Как бы ни было велико значение победы Советского Союза над германским фашизмом, освободителями для западных немцев оставались американцы. Французский корреспондент Эдгар Морэн не без иронии замечал, что «немцы считали “несправедливым” быть побежденными варварами-большевиками, предателями-англичанами или хвастунами-французами, куда как более приемлемым считалось быть побежденными США, континентом, обладавшим величайшей промышленной силой в мире»². Поэтому американский образ жизни, американская культура воспринимались немцами как образцовые во всех отношениях.

Техническое превосходство Америки поддерживалось и мирскими делами. Вальтер Диркс, один из соиздателей популярного католического журнала *Frankfurter Hefte*, в первом номере за 1946 год писал: «Мы ищем связи со всем миром, и прежде всего – с Соединенными Штатами, которым мы больше всего благодарны»³. Оскар Бартинг там же отмечал: «Мы можем у них многому научиться в части демократических свобод и стабильного образа жизни»⁴. Здесь же была помещена статья французского журналиста Роже Гомона «Ф.Д. Рузвельт – вождь демократии», в которой особо подчеркивались преимущества американских принципов свободы и демократии⁵. Анонимный автор писал в *Der Ruf* в 1946 году: «... витрины и полки немецких магазинов забиты товарами по большей части американского производства. Все, что касается мирных планов будущего нашей земли, также по большей части определяется американскими “товарами” – почти все идеи,

¹ Mann, Th. *Briefe 1948–1955*. Frankfurt-am-Main: S. Fischer, 1965: 340.

² Morin, E. *Das Jahr Null: Ein Franzose sieht Deutschland*. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1947: 46.

³ Dirks, W. “Die zweite Republik.” *Frankfurter Hefte* 1 (1946): 17.

⁴ Bartning, O. “Ketzerische Gedanken am Rande der Trümmerhaufe.” *Frankfurter Hefte* 1 (1946): 66.

⁵ Gaumont, R. “F.D. Roosevelt – Führer der Demokratie.” *Frankfurter Hefte* 1 (1946): 75–79.

предложения и конкретные мероприятия, наполняющие нас доверием, американского происхождения»⁶.

Как отмечает журналист Эрих Куби, часть немцев связывала свои надежды на реванш за проигранную войну с экономической мощью Америки: «Слава Богу, что мы теперь имеем в качестве союзников не только неспособных ни к чему итальянцев, но также и прежде всего американцев, для которых не составляет особого труда ни в экономическом, ни в политическом и даже в моральном отношении вложить огромное количество миллиардов долларов в военные приготовления»⁷. Однако большая часть немцев «рассматривала американцев как друзей и защитников. Это обращение к Америке основывалось на американской помощи в голодные годы и усилилось благодаря программе “перевоспитания” и многочисленным стипендиям, которые США предоставляли немецким школьникам, студентам и специалистам. Из Америки поступали импульсы свободы, надежды. Антиамериканские настроения отмечались лишь в правых и левых кругах»⁸.

Консервативный критик Клаус Харпрехт не без сарказма вспоминал: «Исход Второй мировой войны поднял “американский образ жизни” до высот всемирной цивилизации, которую никто не принял столь доброжелательно, как побежденные. Вскоре они стали примерными учениками американской демократии и, к некоторому недовольству союзников, их баловнями. Готовность немцев чествовать американских солдат как освободителей объясняется не только их паническим страхом перед советскими солдатами, которые, как опасались наши соотечественники (были они виноваты или нет), будут мстить им в десять-двадцать раз больше за преступления, совершенные немцами (не только эсэсовцами) в России. Традиционный антикоммунизм немецкого бюргера также не является достаточным основанием для того, чтобы понять смысл бурных объятий с американцами, как и абсурдные надежды на то, что с помощью превосходящих сил Запада можно будет когда-нибудь вновь обрести утраченные земли на Востоке бывшего рейха. Даже оппортунистско-рациональное желание быть на стороне, имеющей более сильные батальоны, – лишь один из мотивов нашей привязанности к американцам, хотя и не самый главный. Пожалуй,

⁶ Anonym. “Zwei Friedenskonferenzen.” *Der Ruf* (München) 2 (1946): 2.

⁷ Kuby, E. *Aus schöner Zeit. Vom Carepaket zur Nachrüstung: Der kurze Zeit deutsche Urlaub*. Hamburg, Zürich: Rasch und Röhring, 1984: 10.

⁸ Franck, D. “Als das Leben wieder anfing.” *Die fünfziger Jahre. Als das Leben wieder anfing*, hrsg.v. D. Franck. München: Piper, 1981: 18.

сильнейшим аргументом был голод. Восхищение Америкой достигло высшего предела, когда в животе перестало урчать»⁹.

Голод, конечно, сильный аргумент, но сильнее голода был все же страх перед СССР. Уже в 60-х гг., когда в ФРГ нарастали антиамериканские настроения, вызванные эскалацией войны во Вьетнаме, один из виднейших западногерманских философов Карл Ясперс скажет: «В обеспечении безопасности в той мере, в какой она вообще возможна в нынешних условиях, Федеративная Республика может рассчитывать только на США... Мы можем сколько угодно ужасаться действиями Америки и тому, что там происходит, но нет другой державы, которая могла бы защитить нас»¹⁰.

Наряду с политическим и экономическим могуществом США западных немцев привлекала и американская культура, в частности, американская литература. Не было газеты или журнала, где бы ни публиковались или обсуждались произведения Эрнеста Хемингуэя, Уильяма Фолкнера, Джона Стейнбека, Торнтон Уайлдера, Теннесси Уильямса и других известных и малоизвестных авторов. При этом американская военная администрация пристально следила за тем, чтобы немецкий читатель знакомился лишь с произведениями, прославляющими или отражающими самые привлекательные стороны американского образа жизни. Поэтому ряд книг Уильяма Фолкнера, Джона Стейнбека, Эрскина Колдуэлла и других авторов, критиковавших социальную действительность США, просто не издавался в Западной Германии. В мюнхенском журнале *Der Ruf* была даже введена рубрика «Книги, которые нам не разрешается читать»¹¹. Редакторы журнала не знали о секретных предписаниях американской военной администрации относительно запрета на издание книг неугодных авторов и объясняли сложившееся положение неконвертируемостью немецкой марки, нежеланием американских издательств поступиться авторскими правами, не получая какой-либо прибыли.

⁹ Harprecht, K. "Der Freund wird zum Fremden." *Die Zeit* (14.12.1984): 64.

¹⁰ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М.: Международные отношения, 1969. С. 119.

¹¹ "Bücher, die wir nicht lesen dürfen: Lauterbach, W. 'Das Gewissen ist eine jüdische Erfindung'; H. Rauschning: 'Gespräche mit Hitler'; Ritter, J. 'Ideen in Amerika'. Jones, H.M. 'Ideas in Amerika'." *Der Ruf* (München) 3 (1946): 13–14; Mannzen, W. "Die andere Seite. Antoine de Saint Exupéry: 'Pilote de Guerre'; R. Hillary: 'The Last Enemy'." *Der Ruf* (München) 4 (1946): 15; Frankenstein, W. "'Wem die Stunde schlägt' (E. Hemingway)." *Der Ruf* (München) 7 (1946): 13–14.

Действительно, фашистские рейхсмарки имели хождение только на территории оккупированной Германии, не подлежали обмену ни на какую валюту и не представляли никакой ценности для западных предпринимателей, в том числе и для издателей. Однако на самом деле все было намного сложнее. Вся издательская деятельность в Западной Германии первых послевоенных лет происходила на лицензионной основе. Лицензии, а с ними и бумага, выдавались только тем издательствам, которые придерживались рекомендаций и списков литературы Отдела по контролю за информацией (Information Control Division), а он, в свою очередь, руководствовался указаниями Американской военной администрации (Office of Military Government for Germany). Эта сложная бюрократическая система и определяла, какие книги следует издавать в Западной Германии, какие пьесы и какие фильмы могут смотреть западные немцы¹².

Интерес к американской литературе был вызван и тем, что в годы нацизма многие из названных авторов были запрещены, хотя в пропагандистских целях ряд произведений писателей США издавались. Например, роман Джона Стейнбека «Гроздь гнева», запрещенный американской военной администрацией как порочащий США, издавался в фашистской Германии по указанию Геббельса огромными тиражами именно по той причине, по которой он был запрещен в Западной Германии американцами¹³.

Особый интерес западная литература, запрещенная в годы фашизма, представляла для молодых немецких писателей. В большинстве своем их первые творческие опыты приходились на годы войны, когда о каком-либо систематическом знакомстве с современной мировой литературой не могло быть и речи, да и доступ к этой литературе, издававшейся избирательно, был предельно ограничен. А. Андерш (Andersch, Alfred 1914–1980) – один из основателей «Группы 47», в известном письме к Константину Симонову отмечал высокую «потребность в наверстывании упущенного», характерную

¹² Gehring, H. *Amerikanische Literaturpolitik in Deutschland 1945–1953*. Stuttgart: Metzler, 1976: 37–73.

¹³ Эрнст Шнабель, член «Группы 47» «первого призыва», писал: «Геббельс приказал во время войны и особенно после вступления Америки в войну издать огромным тиражом “Гроздь гнева” Стейнбека, вероятно, полагая, что тем самым можно получить надлежащее представление о нужде американского пролетариата» (Schäfer, H.D. *Das gespaltene Bewußtsein. Deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945*. München, Wien: C. Hauser, 1981: 199).

для культурной ситуации первых послевоенных лет: «Что мы хотели наверстать? Странно, но в первую очередь не книги немецких эмигрантов, возникшие в Нью-Йорке, Мехико или Москве, они пришли позднее, а некоторые из них, особенно те, которые принадлежали левому крылу немецкой эмиграции, и по сей день неизвестны нам. На что мы набросились, так это на американцев, англичан, французов, итальянцев. Хемингуэй, Фолкнер и Витторини, Элиот, Жид и Сартр. Особое внимание мы обратили на литературу авангарда: Кафка, Пруст, Джойс и новая лирика любого направления»¹⁴. В свою очередь советская литература оставалась для западных немцев (не только для них) по известным причинам долгое время неизвестной: «Русской литературы не было, она для нас не существовала. С 1945 по 1958 годы на горизонте нашего мышления не возник ни один советский автор, ни тем более советская литература как нечто целое»¹⁵.

Весной 1945 г., когда участь фашистской Германии была решена, американские власти приступили к созданию резерва «духовной элиты» из числа немецких военнопленных, призванных проводить в жизнь идеи американской политики в Германии. Для этого в лагере Форт Гетти, штат Род-Айленд, был организован «Учебный центр для военнопленных», куда были доставлены из 133 лагерей несколько сотен кандидатов, отобранных из 400 000 немецких солдат и офицеров¹⁶.

В программу «Учебного центра» входили лекции по истории США и Германии, социологии, экономике, истории американской и немецкой литературы, занятия по английскому и немецкому языкам, хотя среди слушателей были люди с высшим образованием, – например, Вальтер Хальштейн, будущий министр иностранных дел ФРГ¹⁷. Преподавателями были лучшие американские профессора и специалисты: Говард М. Джонс из Гарвардского университета, президент «Американской академии искусств и науки», Томас В.Смит из Чикагского университета, Арнольд Вольферс и Фриц Момзен из Йельского университета, Генри Эрман из Института мировой политики, а также

¹⁴ Andersch, A., Simonow, K. *Ein Briefwechsel*. Berlin: Verlag Volk u. Welt, 1978: 11.

¹⁵ Ibid.: 13.

¹⁶ Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter der jungen Generation (1945–1949)*. München: Saur, 1978: 6.

¹⁷ Andersch, A. “Der Seesack.” *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*, hrsg. v. N. Born, J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 119–120.

ряд высших офицеров США¹⁸. Все говорило о том, что американские власти придавали деятельности «Учебного центра» большое значение. Военнопленных знакомили с основами буржуазной демократии в ее американском варианте, представляя США как оплот свободы и демократии, как модель государственного устройства, могущего в противоположность Веймарской республике успешно противостоять натиску фашизма (в чем слушатели уже убедились) и любой другой, враждебной США политической системе. Этот тезис был поддержан работами немецких эмигрантов о причинах падения Веймарской республики, которые широко использовались при обучении и послужили толчком к зарождению отрицательного отношения многих слушателей к реставрационной политике США в Западной Германии. Писатель Альфред Андерш, бывший слушателем «Учебного центра», вспоминал, что именно «исчерпывающий анализ Веймарской республики и причин ее падения» и был «самым важным результатом работы в Форт Гетти», ибо потом, в Германии, бывшие слушатели «все более активно выступали против призрачной реставрации этой карикатуры на демократию»¹⁹.

Военнопленным импонировала также атмосфера доверия и дружелюбия, царившая в «Учебном центре», энтузиазм его преподавателей, с пафосом миссионеров прославлявших американский образ жизни, противопоставляя его преимущества нацистскому режиму, рисуя радужные перспективы будущего новой Германии. Особое впечатление на слушателей произвел инцидент с профессором Гарвардского университета Говардом Джонсом, потребовавшим в качестве первого условия проведения эксперимента по перевоспитанию немецких военнопленных снятия проволочных заграждений вокруг барачных лагеря. Не получив согласия американских властей, он в знак протеста отказался читать свой курс лекций²⁰. Этот поступок был воспринят немецкими военнопленными, воспитанными на безоговорочном выполнении приказов, чуть ли не как высшее проявление американских свобод.

¹⁸ Wehdeking, V. *Der Nullpunkt. Über die Konstituierung der deutschen Nachkriegsliteratur (1945–1949) in den amerikanischen Kriegsgefangenenlagern*. Stuttgart: Metzler, 1971: 23.

¹⁹ Andersch, A., Wehdeking, V. “Getty, oder Die Umerziehung in der Retorte.” *Frankfurter Hefte* 11 (1947): 1092.

²⁰ *Ibid.*: 1092–1093.

Дух Форт Гетти, отмеченный отрывом от реальной действительности, абстрактными и демагогическими рассуждениями о свободе и демократии в их идеальном исполнении, принимаемом слушателями за американскую реальность, о которой они имели смутное представление, сказался в дальнейшем на деятельности многих прогрессивно мыслящих молодых немцев. Влияние идей, проповедовавшихся в Форт Гетти, было так велико, что сами американцы испугались результатов их воздействия, объявив свой эксперимент несостоятельным, а его участников – опасными «нигилистами»²¹. Слово это, очень модное в первые послевоенные годы в Германии, широко использовалось для порицания всего, что не укладывалось в стандартные представления об американском образе жизни.

Эксперимент в Форт Гетти заслуживает пристального внимания прежде всего потому, что именно здесь лежат истоки будущих социально-политических воззрений многих авторов «Группы 47», крупнейшего литературного объединения, определявшего во многом ход развития послевоенной немецкоязычной литературы, независимо от того, были ли они слушателями «Учебного центра» или проходили программу «перевоспитания» непосредственно в лагерях для немецких военнопленных. Вкупе с их личными впечатлениями времен фашизма и войны, а также первых послевоенных лет, уроки Форт Гетти прямо или косвенно способствовали осознанию неразрывной связи творчества писателя с политикой. Пренебрежение этим обстоятельством, свойственное работам многих советских и зарубежных ученых, приводит к тому, что писатели молодого поколения с их резкой критикой западногерманской действительности и особенно политики американских оккупационных властей на фоне едва ли не всеобщего поклонения США появляются внезапно, как бы сами по себе. Во всех их публикациях остро ощущается отчаяние человека, обманутого дважды: сначала национал-социалистами, потом – американцами. Это чувство с особой силой пронизывает статью А. Андерша «Гетти, или Перевоспитание в реторте» (“Getty oder Die Umerziehung in der Retorte”), появившуюся в конце 1947 г., после того, как ее автор, обвиненный опять же в «нигилизме», вынужден был по настоянию американских оккупационных властей покинуть редакцию журнала *Der Ruf*. Это сво-

²¹ Borchers, H., Vowe, K. *Die zarte Pflanze Demokratie. Amerikanische Re-education in Deutschland im Spiegel ausgewählter politischer und literarischen Zeitschriften (1945–1949)*. Tübingen: Narr, 1979: 52.

его рода признание в любви «духу Гетти», американским идеалам свободы и демократии, и одновременно торжественная зауспокойная месса по ним, прощение с высокой мечтой, вариантом «великой американской мечты», о свободном и демократическом немецком государстве, которое предполагалось создать по американскому образцу. Тогда уже Андершу и многим другим молодым немцам было ясно, что возвышенная риторика официального Вашингтона и повседневная практика американской военной администрации в Западной Германии имеют мало общего между собой. Статья Андерша заканчивается горьким признанием того, что «сегодня слова проповедников расходятся с их действиями»²².

Можно сказать, что эксперимент в Форт Гетти не удался. Его главная цель, неизвестная участникам эксперимента, заключалась не в восстановлении демократических свобод в послевоенной Германии, а в создании защитного вала против «коммунистической угрозы»²³. К осознанию этой цели участники эксперимента в Форт Гетти пришли позже. В романе Андерша «Винтерспельт» (1974) американские офицеры говорят о причинах вступления США в войну против Гитлера: «“Послушай, Джон, ты делаешь ошибку. Ты воображаешь, будто мы находимся здесь для того, чтобы освободить немцев [...] от этого монстра [...] Мы здесь потому, что мы римляне двадцатого века [...] Мы не такие утонченные, не такие образованные, как греки, которых мы защищаем, но мы без сомнения сумеем воздвигнуть защитный вал”. Я спросил, кто те варвары, против которых мы собираемся воздвигнуть вал, и он тут же ответил: “Русские”»²⁴.

Эксперимент не удался потому, что его устроители не учли пагубного воздействия своих же собственных идей о свободе и равенстве на умы немецких военнопленных, лишенных в годы нацизма гражданских прав. Один американский критик заметил, что «американец – это

²² Andersch, A. V. “Getty, oder Die Umerziehung in der Retorte”: 1096.

²³ 3 апреля 1948 г. Конгресс США принял «план Маршалла», а 4 апреля 1948 г. *The New York Times* писала: «То, что предполагалось как мера по экономической помощи Европе, незаметно превратилось почти что в военную меру в целях противодействия русскому влиянию» – цит. по: Мальков В.Л. История США. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 9. Немецкий историк Рольф Винтер в своей книге «Американцы, убирайтесь вон!» (1989) прямо говорит о том, что «план Маршалла» создавался и проводился не из гуманитарных побуждений, как это многократно воспринималось в ФРГ, а прежде всего по причинам военно-политическим (Grubbe, P. “Alle Sünden der Amerikaner aufgezählt.” *Die Zeit* (15.12.1989): 1).

²⁴ Андерш А. Избранное. М.: Радуга, 1987. С. 40–41.

раздетый донага европеец», т.е. европеец, лишенный всех связей со своим великим прошлым, заново создающий свою Обетованную Землю, «без всякого Моисея шествуя в бездорожье»²⁵. В таком же состоянии находились и немецкие военнопленные в США. Желая забыть ненавистное прошлое и найти новые идеалы, свою Обетованную Землю, они с жадностью внимали новоявленному Моисею – американцам, так самозабвенно проповедовавшим «динамическую мощь идей свободы», «аморальность любого притеснения», что и сами начинали этому верить²⁶.

Кроме Форты Гетти, имевшего программу, рассчитанную на будущее, существовала более конкретная по времени и задачам программа «перевоспитания» (“re-education”) немецких военнопленных, доставленных в США в середине 1944 года.

В декабре 1944 г. по инициативе американских властей в летнем лагере Корнельского университета в Итаке была собрана группа антифашистки настроенных военнопленных, которым предстояло выработать принципы создания газеты для немецких военнопленных в США. Хотя в 133 лагерях и 295 отделениях выходило 137 газет и журналов²⁷, необходим был единый печатный орган, который выражал бы интересы военнопленных и одновременно способствовал бы их «перевоспитанию». В Форт Кэрней была создана первая редакция газеты *Der Ruf* («Призыв»), выходившей с марта 1945 по апрель 1946 гг. Именно в США, вокруг этой газеты сплотились молодые писатели и публицисты Альфред Андерш, Вальтер Кольбенхоф, Ганс Вернер Рихтер, Вольфдитрих Шнурре, Фридрих Минсен, Вальтер Манцен, составившие позднее костяк будущей «Группы 47» – крупнейшего литературного объединения в ФРГ.

Хотя официальная история «Группы 47» берет свое начало с сентября 1947 г. (отсюда и ее название), когда по инициативе Ганса Вернера Рихтера (Richter, Hans Werner 1908–1993) состоялась первая встреча молодых литераторов, заложившая основы этого необычного творческого союза, истоки ее и последующие события лежат в США конца 1944 г. в лагерях для немецких военнопленных. При всей противоречивости и наивности социально-политических, философских

²⁵ Аллен У. Традиция и мечта. М.: Прогресс, 1970. С. 26.

²⁶ Andersch, A. “Getty, oder Die Umerziehung in der Retorte.”: 1095.

²⁷ Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...: 7.*

и эстетических установок издателей *Der Ruf*, эта газета знаменует собой важнейшую веху на пути создания литературы ФРГ.

При активном участии капитана Вальтера Шёнштедта (Schönstedt, Walter, 1909–1961), известного немецкого пролетарского писателя, принявшего подданство США²⁸, была выработана следующая программа: «Новая газета призвана побудить ее будущих читателей к совместным ответственным размышлениям и призвать их к участию в текущих событиях. Газета должна призывать к выходу из изолированности лагеря для военнопленных к внешней жизни, давать ответы многим сомневающимся и надеющимся голосам, беспокоящимся о мирном построении будущего. Именно поэтому газета получила название “Призыв”. Важной целью газеты было возрождение у немецких военнопленных настоящего демократического мышления с тем, чтобы собрать все силы для предстоящего восстановления немецкой демократии после поражения национал-социализма».²⁹

Der Ruf сознательно следовала образцам «большой прессы» типа *Frankfurter Allgemeine*, преодолевая тем самым недоверие военнопленных к информации, исходившей от американцев, настраивая читателей на «мирный лад», исподволь готовя их к восприятию основ демократии. Более того, язык *Der Ruf* был выдержан в тональности, приближенной к публикациям прессы нацистской Германии. Сделано это было сознательно. Мало того, что сами авторы *Der Ruf* выросли в этой языковой среде и при всем их неприятии фашизма не могли в одночасье радикально перестроить свой словарный запас (даже с учетом их литературных симпатий), за что впоследствии их несправедливо обвиняли в приверженности к нацистской идеологии, но и немецкие военнопленные, в массе своей далекие от литературы

²⁸ До недавнего времени В. Шёнштедта, активного члена КПГ, относили к ренегатам и имя его было практически вычеркнуто из истории пролетарской литературы, хотя, по словам писателя В. Кольбенхофа, его произведения «пользовались огромным успехом среди левой молодежи». Сам Шёнштедт, получив американское гражданство, сторонился товарищей по партии, что, вероятно, и вызвало отрицательное отношение к нему части эмигрантов. Тот же Кольбенхоф, знавший Шёнштедта по партийной работе до 1933 г., пишет, что когда он встретил его в Форт Кэрней в форме капитана американской армии и попытался завести с ним разговор о прошлом, то Шёнштедт ответил, что он ничего не помнит и отказался от дальнейших контактов (Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48. Erfahrungen mit Deutschland*. Frankfurt/Main: Fischer, 1984: 275–277).

²⁹ Vinz, K. “Zur Geschichte des RUF – Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen in USA.” *Der Ruf. Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen*. Faksimile-Ausgabe. Schutzumschlag. München: Saur Verlag, 1986.

и воспринимавшие язык как данность, относились с большим подозрением к печатному слову, лишённому привычных штампов, привычной эмоциональной окраски. Расчет оказался правильным. 1 марта 1945 г. газета *Der Ruf* вышла тиражом в 10 000 экземпляров, а к весне 1946 г. её тираж превысил эту цифру в восемь раз³⁰. Успех был тем более необычен, если учесть, что издавали *Der Ruf* непрофессионалы. Лишь Густав Рене Хокке, бывший корреспондент *Kölnische Zeitung* в Италии, и Вальтер Манцен, сотрудничавший в рабочей печати до 1933 г., имели опыт журналистской работы.

Примечательно, что состав редакции формировался исключительно из военнопленных, придерживавшихся социалистических или коммунистических взглядов, что объяснялось усилившимися к концу войны в США антифашистскими настроениями, возросшим авторитетом СССР. Рихтер вспоминает, что когда он пытался отказаться от работы в *Der Ruf*, ссылаясь на то, что он «старый коммунист», то в ответ услышал: «Именно поэтому Вы нам и нужны»³¹.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что ответственным за издание *Der Ruf* со стороны американцев был Вальтер Шёнштедт, который до недавнего времени сам был членом КПГ. Шёнштедт принимал активное участие в создании эмигрантского Союза немецких писателей, в подготовке и проведении Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже в 1935 г., был избран в 1938 г. генеральным секретарем «Союза немецких писателей, живущих в Америке», председателем которого состоял Томас Манн.³² Шёнштедт принимал активное участие в культурной жизни немецких эмигрантов. Так, например, сообщается, что 13 декабря 1938 г. был организован

³⁰ Böhringer, G. "Zeitschriften der jungen Generation." *Zur literarischen Situation 1945–1949*, hrsg. v. G. Hay. Kronberg: Athenäum-Verlag, 1977: 111.

³¹ L.St. "Schickele Preis." *Der Mittag* (3.3.1952). Г.Р. Хокке, шеф-редактор *Der Ruf* в США, вспоминает, что «левоэкстремистские американские офицеры из так называемой "фабрики свободы" в Форт Гетти рекомендовали мне представлять коммунистов среди немецких военнопленных как наиболее внушающих доверие для будущей демократии» (Hocke, G.R. "Im Schatten des Leviathan /1972–1985/", "Kriegsjahre in Italien", "Der Ruf in Amerika". Wehdeking, V. *Anfänge westdeutscher Literatur: Aufsätze, Interviews, Materialien*. Aachen: Alano-Verl., 1989). Примечательно, что когда 1 августа 1945 г. американцы выдали лицензию на издание газеты *Frankfurter Rundschau*, то едва ли не главным условием выпуска газеты было наличие в составе редакции двух коммунистов, одного социал-демократа и одного члена бывшей христианско-демократической партии (Mayer, H. *Die umerzogene Literatur: Deutsche Schriftsteller und Bücher 1945–1967*. Berlin: Siedler, 1988: 42).

³² Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter...*: 10.

«литературно-музыкальный вечер, посвященный свободному немецкому искусству. Вальтер Шёнштедт читал свои новые произведения, Александр Гранах выступил с чтением новых стихов И.Р. Бехера. Затем был исполнен новый опус – клавирная соната Ганса Эйслера. Приветственную речь произнес профессор Тиллих» (*Deutsche Volkszeitung*, Prag, 18.12.1938). Как видно из сообщения, Шёнштедт общался с выдающимися представителями немецкой эмиграции в США, тем не менее, ни его коммунистическое прошлое, ни его тесные связи с элитой немецкой эмиграции не помешали ему впоследствии строго придерживаться идеологических установок американских властей, что особенно ярко проявилось после смерти Ф.Д. Рузвельта и смены политического курса США. Вальтер Манцен вспоминает, что когда Эрнст Вихерт, один из известнейших писателей «внутренней эмиграции», вступил в конфликт с американской военной администрацией в Западной Германии, Шёнштедт запретил редакторам *Der Ruf* какое-либо благоприятное упоминание имени этого писателя³³.

На первых порах *Der Ruf* способствовала «отлучению» немецких военнопленных от фашистской идеологии, знакомству их с американской демократией, избегая при этом пропагандистской назойливости и резких оценок. До 1945 г., когда вышел специальный номер *Der Ruf*, посвященный разгрому «Третьего рейха», ни в одном из пяти предыдущих выпусков газеты ни разу не упоминались такие слова как «фашизм», «нацизм» и производные от них словосочетания, не говоря уже об имени Гитлера и его сподвижников, кроме генералов вермахта³⁴. Если сравнить, например, подписи под фотографиями, изображающими жителей Веймара, согнанных американцами в концлагерь Бухенвальд для того, чтобы они увидели преступления нацистов воочию, то в майском номере 1945 г. можно было прочитать о «чудовищных преступлениях, совершенных в Бухенвальде»³⁵, а в апрельском речь шла уже о том, что «потрясенный немецкий народ

³³ Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...*: 149.

³⁴ Такая установка определялась как опасной ситуацией в лагерях для немецких военнопленных, где первое время царил нацистский террор, так и тем обстоятельством, что американцы опасались ответных репрессий гитлеровского режима против американских военнопленных, хотя судьба их по сравнению с судьбой советских военнопленных складывалась в основном более удачно (Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter...*: 34).

³⁵ *Der Ruf* (USA) (15.5.1945).

видит истинное лицо нацизма»³⁶. В первых номерах *Der Ruf* заметки американской прессы о положении на фронтах мирно соседствовали с известиями о ситуации в «рейхе», перепечатанными из нацистской прессы без каких-либо сокращений и комментариев. Сообщалось, например, о награждении генерал-фельдмаршала Рундштедта рыцарским крестом и тут же приводилось мнение английского фельдмаршала Монтгомери о Рундштедте, которого он считал своим «самым лучшим противником в этой войне»³⁷.

Однако подобная позиция редакции *Der Ruf* таила в себе и определенную опасность потери интереса читателей к газете. Вальтер Манцен, один из редакторов *Der Ruf*, вспоминал, что на первых порах как правые, так и левые отнеслись к появлению *Der Ruf* отрицательно: «правые – скептически, левые – с разочарованием»³⁸, что вызвано было некоторой безликостью журнала, подчеркнутым нежеланием принять чью-либо сторону.

Пока же приведем свидетельство А. Андерша о его пребывании в американском плену. Лагерь был разделен на две части: в одной находились противники Гитлера, в другой – сторонники нацистов или люди, послушно следовавшие за ними. «Конечно, симпатии американцев, – замечает Андерш с горькой иронией, – принадлежали тем, кто воспринимал войну как судьбу: с ними было меньше хлопот, чем с теми, кто был одержим поисками причин войны. Когда в лагерь поступили сообщения о первых успехах немецких армий в битве под Арденнами, несколько сотен из числа последних высказало пожелание перейти на сторону послушных. Мысль о том, что может произойти с ними, когда они вернутся в победоносную Германию, где нельзя будет скрыть их пребывание в антинацистском лагере, была для них невыносимой. Их состояние можно было понять, и американцы выполнили их пожелание [...] Глядя на эту колонну [...], переходившую из одной части лагеря в другую, я впервые подумал о том, какую огромную роль играет в истории трусость; точно так же, одиннадцать лет тому назад, концлагерь Дахау [Андерш как один из руководителей коммунистического союза молодежи Южной Баварии в 1933 г. находился там в заключении. – Е.З.] дал мне возможность составить

³⁶ *Der Ruf* (USA) (1.6.1945).

³⁷ *Der Ruf* (USA) (1.3.1945).

³⁸ Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...*: 17, 149.

представление о храбрости. В Дахау не было ни одного оппортуниста или предателя»³⁹.

Первый период американского издания *Der Ruf* можно назвать периодом собирания сил, консолидации единомышленников, хотя состав редакции постоянно менялся и редакторы, как правило, не были знакомы друг с другом⁴⁰, а все материалы подвергались жесткой цензуре⁴¹. Но и в этих сложных условиях у большинства членов редакции и близких к ней авторов сформировался общий подход к проблемам времени, что особенно проявилось в публикациях, появившихся после капитуляции Германии. Именно в это время в статьях молодых литераторов наметился критический крен по отношению к программе «перевоспитания», к тезису о «коллективной ответственности» немцев за преступления фашистов.

Либерально-нейтральная позиция *Der Ruf* объяснялась своеобразием настроения немецких военнопленных, мысливших победными категориями середины войны (прежде всего – первый сотысячный эшелон солдат из экспедиционного корпуса генерала Роммеля, взятых в плен в конце 1944 года). Ненавидя войну, многие из них находились под влиянием нацистской пропаганды, надеялись на решительный поворот в войне или, в худшем случае, на почетный мир. Эти настроения поддерживались открытым нацистским террором, царившим в лагерях, где с согласия американцев сохранялись обычаи вермахта со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴². Об этом красноречиво рассказывает в своем романе «Побежденные» (*Die Geschlagenen*, 1949) Г.В. Рихтер.

Второй период характеризуется поисками причин возникновения фашизма, его исторических корней, попытками определения контуров

³⁹ Andersch, A. “Der Seesack...”: 118–119.

⁴⁰ Личное знакомство, например, Андерша и Рихтера состоялось лишь после их возвращения на родину (Richter, H.W. “Brief an Alfred Andersch.” *Merkur* 2 (1979): 200.

⁴¹ Предварительная цензура *Der Ruf* была довольно сложна: «Каждый номер переводился на английский язык для того, чтобы чиновники, не знающие немецкого языка, могли ознакомиться с содержанием газеты. Этот английский вариант печатался в количестве 500 экземпляров, которые рассылались в военное министерство, комендантам лагерей и офицерам, занимавшимся “перевоспитанием” немецких военнопленных» (Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter...*: 11). Кроме того, нужно было получить согласие госдепартамента США (Ibid.: 17).

⁴² О засилье нацистов в лагерях впервые сообщил в июне 1945 года в *Der Ruf* В. Манцен: Mannzen, W. “Der Weg aus der Isolierzelle.” *Der Ruf* (USA) (15.6.1945).

будущей демократической Германии. В статьях этого периода много наивного, далекого от понимания конкретной действительности, похожего на ученические сочинения по программе «Учебного центра», и, вероятно, поэтому американские власти смотрели сквозь пальцы на критику в свой адрес. Но этот период отмечен и нарастанием конфронтации между авторами *Der Ruf* и американской администрацией, что привело к досрочной смене редакции во главе с Г.Р. Хокке.

Третий период проходит под знаком растущего стремления редакции *Der Ruf* проводить собственную политику. Неприятие основных пунктов программы «перевоспитания», смелые, но и наивные, планы послевоенного переустройства в Германии и в Европе, – эти и многие другие проблемы, поднимавшиеся новой редакцией газеты, вызывали недовольство американских властей. Тон в редакции задавали Рихтер и Манцен, особенно резко возражавшие против «анти-немецкой» направленности ряда статей в *Der Ruf*, инспирированных американцами⁴³.

Здесь требуется дать ряд пояснений, ибо «антинемецкая» направленность политики американских властей, как в годы войны, так и в годы оккупации Западной Германии, толковалась молодыми публицистами *Der Ruf* широко и туманно, что приводило к ошибочным выводам, мешало правильному пониманию реального положения в стране, более точной оценке своих сил и возможностей.

Рихтер и другие члены редакции *Der Ruf* исходили из двойственного понимания патриотизма, нашедшего затем отражение в их сдержанно-отрицательном отношении к внешней и «внутренней» эмиграции, и особенно к тем, кто вернулся в Германию в форме союзных войск. Естественная любовь к родине, поработанной нацистами, и не менее естественное желание видеть ее свободной и процветающей в содружестве наций соединялись с нежеланием понять и принять политические реальности послевоенного времени. Считая проигран-

⁴³ Кольбенхоф вспоминает, что вначале Г.В. Рихтер «пытался опубликовать свои статьи, направленные против тезиса о “вине и ответственности” всех немцев за преступления в годы войны и против готовившегося Нюрнбергского процесса. В Вашингтоне его статьи или бросали в корзину для бумаг, или перечеркивали и всячески переделывали. Американские офицеры, ответственные за прессу, пригрозили ему лагерем для штрафников» (Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...: 68*). Именно поэтому Рихтер заявил в 1952 г., что хотя *Der Ruf* «выходила в США на немецком языке, но по своему настрою была антинемецкой» (L.St. “Schickele Preis.”).

ную войну «войной Гитлера, а не Германии»⁴⁴, Рихтер, как и многие молодые немцы, познавшие на себе ужасы войны и ненавидевшие фашизм, резко возражали против отождествления себя и немецкого народа с нацистами, воспринимая оккупационный режим как великую несправедливость по отношению к немцам. Проблема «другой Германии», возникшая в эмигрантских кругах после 1933 г., заново зародилась одновременно в послевоенной Германии и в лагерях немецких военнопленных в США, но разрешение ее протекало по-разному на разных этапах развития Западной Германии. По крайней мере, в американском издании *Der Ruf* последнего периода постоянно ставился вопрос о предоставлении Германии политической самостоятельности, равноправного участия в делах послевоенной Европы, где Германии отводилась бы роль посредника между Востоком и Западом.

Эти настроения большей части немецких военнопленных в США проявились и в романе Г.В. Рихтера «Побежденные», в частности, в образе обер-ефрейтора Гюлера, вобравшего в себя многие черты и мысли самого автора. Репортажная окрашенность романа придает ему известное публицистическое звучание, и это выгодно отличало его от размеренной прозы писателей старшего поколения. Жанр художественной публицистики, построенный на смешении репортажа и художественного вымысла, был свойственен молодой литературе первых послевоенных лет и являлся важной составной частью литературного процесса того времени, о чем речь пойдет впереди. Сейчас отметим лишь, что роман Рихтера построен на личных впечатлениях писателя, прошедшего весь путь своих героев от битвы под Монте-Кассино до американского плена, и ценность его – в документальности, позволяющей рассматривать роман как достоверное свидетельство настроений солдатской массы, «поколения вернувшихся с войны».

Гюлер понимает бессмысленность войны, ее пагубность для простого человека («В этой войне всегда оказываешься не там, где надо»), но он сознает и свое бессилие перед молохом войны, воспринимаемой им как нечто неизбежное и неодолимое («Я как колесо в некоей машине, откуда мне никак не выпрыгнуть»), и поэтому, ненавидя Гитлера, он продолжает сражаться в его войсках⁴⁵.

Примечательно его поведение на допросе, который ведет переводчик, австрийский эмигрант. Гюлер относится к нему с непри-

⁴⁴ Richter, H.W. *Die Geschlagenen*. München: C. Bertelsmann Verlag, 1960: 122.

⁴⁵ Ibid.: 28, 43.

язнью, видя в нем предателя, ибо он считает эмиграцию проявлением трусости: «Я социалист и немец. У меня есть лишь одна возможность – проводить мои идеи в моей стране. Но не против моей страны [...] Это моя политическая позиция»⁴⁶. Но когда допрос продолжил капитан американской армии, Гюлер повел себя по-иному. В капитане он видит равного себе противника, и разговор их напоминает беседу двух благородных рыцарей, обсуждающих результаты только что закончившегося поединка, в котором один из них победил, но это не мешает победителю вести себя достойно по отношению к поверженному сопернику. Правда, капитан допускает бестактность, спросив у Гюлера о месторасположении немецких батарей, на что получает ответ: «... я противник нацистов, но не предатель»⁴⁷.

«Рыцарские» интонации в сцене допроса, как и вообще в описаниях битвы под Монте-Кассино, отражают распространенное в ФРГ мнение о благородстве и беззаветной храбрости немецкого солдата, о «честной» войне, о преданных идеалах профессиональных ландскнехтов. В мюнхенском издании *Der Ruf* Андерш писал, что «солдаты Сталинграда, Эль-Аламейна и Кассино, к которым даже их противники относились с уважением, не могут быть повинны в преступлениях Дахау и Бухенвальда»⁴⁸. В романе «Винтерспельт» он уже иронизирует по этому поводу.

В желании отмежеваться от преступлений фашизма, изобразить немецкого солдата выше политики и выполняющим лишь свой воинский долг, некоторые писатели в ФРГ, в том числе и Г.В. Рихтер, впадают в иную крайность. Реалистически описывая войну, они вольно или невольно возвеличивают немецкого солдата, наделяя его лаврами «рыцаря войны». Позднее Вольфганг Кёппен (Koeppen, Wolfgang, 1906–1996), выдающийся писатель-антифашист, близкий к авторам «Группы 47», зло высмеет в своем знаменитом романе «Смерть в Риме» (*Der Tod in Rom*, 1954) патриотическую страсть трубадуров войны к «честности» и «порядку» в разбое. Пфаффрат, один из героев романа, олицетворение немецкого мещанства, при виде поля битвы под Монте-Кассино предается размышлениям: «В общем и целом это

⁴⁶ Ibid.: 124–125.

⁴⁷ Ibid.: 137.

⁴⁸ Anonym (Andersch, A.) “Notwendigkeit der Aussage.” *Der Ruf* (München) 1 (1946): 2. См. также: *Der Ruf: unabhängige Blätter der jungen Generation*. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1975.

была честная война. [...] Все сражались честно, даже противник, ну а те, кто был убит, честно умерли»⁴⁹.

Политическая эволюция американского издания *Der Ruf* коснулась и его литературно-эстетической программы, определявшейся антифашистской направленностью газеты, а также влиянием американской литературы, с которой немецкие военнопленные, не говоря уже о членах редакции, могли свободно знакомиться⁵⁰. Самым трудным был первый период, когда приходилось строить программу на материале, далеко от антифашистской позиции *Der Ruf*. Позднее Рихтер в послесловии к сборнику «Твои сыновья, Европа. Стихи немецких военнопленных» (*Deine Söhne, Europa. Gedichte deutscher Kriegsgefangenen*, 1947) напишет, что он испытывал большие трудности в отыскании стихотворений, которые «отвечали бы специфическому настрою, ожидаемому мною»⁵¹, ибо большинство публиковавшихся тогда произведений (преимущественно стихов) находилось под воздействием двух причудливо переплетавшихся направлений: «натурфилософской» лирики и псевдоромантической милитаристской поэзии⁵². Именно в стихах военнопленных следует искать истоки небывалого расцвета в послевоенной Германии поэзии в духе Рильке и Гёльдерлина.

Шкала заимствований, по словам современного критика, «простиралась от «Вечерней песни» Маттиаса Клаудиуса до «Дуинских элегий» Рильке, от сонетов Платена до последних стихов Иоганнеса Р. Бехера, однако больше всего было поклонников Рильке – “man rilkt”⁵³. Именно в стихах Рильке (Rilke, Reiner Maria, 1875–1926) молодежь,

⁴⁹ *Kennen V.* Голуби в траве. Теплица. Смерть в Риме. М.: Прогресс, 1972. С. 443.

⁵⁰ А. Андерш вспоминает: «В американских лагерях можно было покупать книги, я купил себе Джефферсона “Жизнь и избранные труды”, “Эссе” Эмерсона, “Демократия и воспитание” Генри Адамса, “Уолдена” Торо и “Многообразие религиозного опыта” Уильяма Джеймса [...], а также романы и рассказы Кэйбла, О.Генри, Генри Джеймса, Шервуда Андерсона, Хемингуэя, Скотта Фицджеральда, Фолкнера, Уайлдера, Стейнбека, Эрскина Колдуэлла» (Andersch, A. “Der Seesack...”: 116).

⁵¹ Richter, H.W. “Nachwort zur Neuausgabe 1985.” *Deine Söhne, Europa: Gedichte deutscher Kriegsgefangener*, hrsg.v. H.W. Richter. München: Deutscher Taschenbuch, 1985: 116.

⁵² Wehdeking, V. “Eine deutsche Lost Generation? Die 47er zwischen Kriegsende und Währungsreform.” *Literaturmagazin 7. Nachkriegskiteratur*, hrsg.v. N. Born und J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 152–153.

⁵³ Berglar-Schröder, H. “Kleines deutsches Lyrikum.” *Frankfurter Hefte* 11 (1947): 1136.

прошедшая через ужасы войны и фашизма, увидела желанное убежище для потрясенной души, убежище, где царили покой и гармония.

Однако будущие члены «Группы 47» отнеслись к возрождению культа Рильке враждебно. В статьях Рихтера⁵⁴ и особенно Шнурре (Schnurre, Wolfdietrich, 1928 – 1989) дана развернутая характеристика этого явления: «Опасен ли Рильке? Да, Рильке опасен. Опасен как образец, как искуситель, как кумир. Рильке препятствует движению вперед. Рильке сковывает. Рильке – это плотина, огромный вал, о который разбиваются волны, набирающие силу... Он – водоворот, магнитная гора. Отовсюду притягивает он к себе молодых людей, полных высоких побуждений, засасывает их в свою пучину и отпускает лишь тогда, когда они подчиняются ему до потери самостоятельности.

Это происходит сегодня, когда нет ничего важнее, чем прокладывать новые пути и создавать новый эпос... Как может Рильке быть примером для нас?.. Знал ли он ночи ужаса? Знал ли он вой бомб? Знал ли он хаос? Он мог об этом догадываться. Но все это познали, пережили и выстрадали лишь мы. И из наших рядов должен выйти тот, кто обладает силой преобразования, чтобы выделить из развалин и страшных снов прошлого мужество будущего»⁵⁵.

Еще резче высказался Арно Шмидт (Schmidt, Arno, 1914–1979), литературный «воспитанник» А. Андерша. В рассказе «Черное зеркало» (“Schwarze Spiegel”, 1949), герой которого, случайно оставшийся в живых после всемирной катастрофы, наткнувшись на книгу притч Рильке «Истории о Господе Боге», использует ее для туалетных надобностей, ибо само заглавие этого собрания «утонченной болтовни» вызывает у него приступ ярости⁵⁶.

Однако среди тех, кто обратился к творчеству в американском плену, были и настоящие художники, чьи имена прочно связаны с литературой ФРГ. Этот факт позволяет высказать предположение, что современная литература ФРГ в известной мере начиналась в лагерях для немецких военнопленных в США на страницах многочисленных газет и журналов, и прежде всего *Der Ruf*. Несмотря на то, что Г.В. Рихтер, В. Шнурре, А. Андерш начали публиковаться еще во времена фашизма, а В. Кольбенхоф и Г. Айх были достаточно известными авторами еще

⁵⁴ Richter, H.W. “Lyrik der Kriegsgefangenen.” *Der Ruf* (München) 3 (1946): 10; “Literatur im Interregnum.” *Der Ruf* (München) 15 (1947): 10.

⁵⁵ Schnurre, W. “Alte Brücken – neue Ufer.” *Der Ruf* (München) 16 (1947): 12.

⁵⁶ Schmidt, A. *Leviathan und Schwarze Spiegel*. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979: 59.

и в годы Веймарской республики, их новые, а по сути дела «первые», произведения были написаны или опубликованы в американском плену и лишь потом, в 1946–1949 годах, стали известны в Западной Германии и рассматривались критиками, не говоря уже о читателях, как новое слово названных авторов, хотя к этому времени воздействие произведений того же Кольбенхова на литературную молодежь было уже свершившимся фактом.

Если обратиться к «американскому» периоду творчества этих писателей, то можно убедиться в наличии определенного задела (будь то поэзия, проза или публицистика), который предварял те или иные идеологические и эстетические установки, определявшие впоследствии весь ход развития молодой литературы в послевоенной Западной Германии. Содержание этого «американского» задела порой несоизмеримо с его последующими проявлениями в творчестве названных авторов, но это не является основанием для того, чтобы игнорировать сам факт существования такого задела.

Так, самое известное произведение Вальтера Кольбенхофа (Kolbenhoff, Walter, 1908–1993) роман «От нашей плоти и крови» (*Von unserem Fleisch und Blut*, 1948), ставший едва ли не образцовым для молодой послевоенной немецкой прозы, было задумано и написано в США. По инициативе американских властей эмигрантское издательство “Bermann Fischer” учредило в 1945 году для газеты *Der Ruf* премию за лучшее произведение, где были бы отражены преимущества американской демократии и пагубные последствия национал-социализма⁵⁷. Первую премию получил роман Кольбенхофа⁵⁸, отрывки из него печатались в стокгольмском издании *Neue Rundschau* и в западногерманской периодике: *Der Ruf*, *Die Neue Zeitung*, *Frankfurter Rundschau*, *Die Fähre*, *Welt und Wort*, *Der Monat*⁵⁹. В начале 1947 года весь роман публикуется в журнале *Horizont*, и лишь в конце 1947 года выходит отдельным изданием одновременно в Стокгольме и Мюнхене.

⁵⁷ “Schriftsteller-Wettbewerb.” *Der Ruf* (USA) (1.10.1945).

⁵⁸ Кольбенхоф закончил роман буквально за несколько дней до отъезда из США на родину и попросил Рихтера переслать его в редакцию издательства. Рихтер постарался, чтобы рукопись романа «От нашей плоти и крови» попала в нужные руки, сделав тем самым первый шаг в своей будущей карьере открывателя и покровителя молодых талантов (Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...*: 74).

⁵⁹ Hay, G. “Nachwort.” Kolbenhoff, W. *Von unserem Fleisch und Blut*. Frankfurt/Main: Fischer, 1983: 223.

Рассказ об одной ночи из жизни подростка, отравленного нацистской идеологией и ведущего бессмысленную борьбу против американцев в занятом ими немецком городе, подкупает правдивостью, хотя сам автор по понятным причинам не мог быть очевидцем этих событий и пользовался сведениями, взятыми им из американской прессы, а также из личных бесед с молодыми солдатами. В своих мемуарах «Шеллингштрассе, 48» (1984) Кольбенхоф рассказывает об одном таком фанатичном юноше: «Он считал меня предателем лишь потому, что я вообще разговаривал с американцами. Он утверждал, что получаемые нами американские газеты печатались специально для нашего лагеря; то, что там написано, было ложью. Русские в Германии не стояли, высадка западных войск – выдумка, “чудесное оружие” Геббельса позволит отразить атаки всех врагов... После войны мы с вами рассчитаемся. За ваше предательство вы еще заплатите!»⁶⁰.

Роман пользовался огромным успехом. Современная критика относила его к числу «наиболее значительных произведений последнего времени»⁶¹. Вольфганг Бэхлер (Bächler, Wolfgang, 1925–2007), будущий член «Группы 47», отмечал, что роман «относится к числу наиболее сильных и важных книжных новинок последнего времени»⁶². Американская *Die Neue Zeitung* дала развернутый анализ романа, где особенно подчеркивалась «правда жизни, тонкая психологическая проработка образа главного персонажа романа, необычность стилистической окраски письма»⁶³. Даже Томас Манн проявил к нему интерес, что нашло свое отражение в его дневниках⁶⁴. Роман стал хрестоматийным образцом творческого использования достижений современной американской литературы, на нем учились и ему сознательно подражали. Компактность романного времени, преобладание диалога и «внутреннего монолога» над развернутым повествованием, отсутствие авторской характеристики, симультанность изображения событий, культ сильной личности (хотя и отрицательной), каковой является «вервольф» Ганс, по сути дела, жертва нацизма, а не олицетворение его человеконенавистнических идей, как полагали некоторые

⁶⁰ Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...*: 69–70.

⁶¹ A.V. “Von unserem Fleisch und Blut.” *Der Standort 2* (1948): 51.

⁶² Bächler, W. “Walter Kolbenhoff. Von unserem Fleisch und Blut.” *Die Epoche* (31.8.1947).

⁶³ Ko. “Von unserem Fleisch und Blut.” *Die Neue Zeitung* (24.7.1948).

⁶⁴ Mann, Th. *Tagebücher 1946–1948*, hrsg.v. I. Jens. Frankfurt/Main: Fischer, 1989: 163.

критики⁶⁵, – все эти признаки говорили о том, что автор был хорошо знаком с произведениями «классиков модерна», американских и английских авторов. Уже в довоенные годы Кольбенхоф был страстным почитателем Хемингуэя, жанра «короткого рассказа», вообще произведений в духе так называемой «школы крутой прозы». Кольбенхоф хорошо знал английский язык и, находясь в плену, читал в оригинале произведения Синклера Льюиса, Уильяма Сарояна, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и многих других классиков современной американской литературы⁶⁶.

Гюнтер Айх (Eich, Günter, 1907–1972), находившийся также в американском плену, но в Европе, сыграл впоследствии роль первопроходца в западногерманской поэзии. Стихи, созданные Айхом в американском плену и напечатанные впервые в мюнхенском издании *Der Ruf*, заложили основы будущей литературы молодого поколения, указали начинающим писателям один из наиболее верных путей постижения изменившейся действительности. «Натурфилософская» основа лирики Айха, начинавшего свой творческий путь в 30-х годах в журнале неоклассиков *Die Kolonne*, вошла в противоречие с жизненным опытом поэта. Айх осознает, что сейчас нельзя писать так, как пишут Леман, Казак и их последователи, и поэтому его послевоенную лирику следует рассматривать как протест против дезориентирующей отстраненности «натурфилософов» от неприятного внешнего мира. Нужно обладать огромным мужеством, чтобы воспевать остатки былого мира средствами новой реальности, доводя свой протест против этой реальности до сознательного эпатажа, провоцируя тем самым общество на размышления об ответственности за все содеянное. «Вещизм» Айха гуманен и направлен на то, чтобы свести воедино внутренний мир послевоенного человека и его время. Стихотворения Айха «Отхожее место» (*Latrine*), «Лагерь № 16» (*Camp 16*), «Рецепт приготовления пирога» (*Pfannkuchen-rezept*) и особенно «Инвентарная опись» (*Inventur*) задолго до Вольфганга Борхерта (Borchert, Wolfgang, 1921–1947) и известной статьи В. Вайрауха в сборнике «Тысяча грамм» (*Tausend Gramm*, 1949), определили основные принципы литературы «сплошной вырубки» (*der Kahlschlag*).

⁶⁵ В ГДР Кольбенхофа посчитали «неофашистским автором», воспевающим «идеологию “вервольфа”», «даже приукрашивающим ее» (Heymann, St. “Ein Karrierist entlarvt sich.” *Neues Deutschland* (20.4.1950).

⁶⁶ Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...: 73.*

«Инвентарная опись» и производный от нее «инвентарный стиль» отвечали ситуации первых послевоенных лет. Настоящая поэзия не может игнорировать меняющуюся реальность, поэтому в стихотворении все слова имеют право на существование. В одном из писем к Андершу Айх сетует на то, что «упоминание в серьезной поэзии само собой понимающихся вещей, вроде автомобилей, электрического света, заводских цехов и операционных залов, вокзалов и коммунальных квартир, вызывает шок»⁶⁷.

При всем том, что «американский» период творчества Альфреда Андерша отмечен обилием разнообразных публикаций с заметным сдвигом в сторону публицистики, писатель отдает много времени собственно художественному творчеству. Андерш делает первые заготовки к роману «Вишни свободы», главы из которого печатаются в локальной лагерной периодике⁶⁸ и в *Der Ruf*⁶⁹. Писатель продолжает работать над большим беллетризованным очерком «Годы в поездах» (“Jahre in Zügen”), начатым еще в Германии в 1943–1944 годах и опубликованным в 1946 году уже в мюнхенском издании *Der Ruf*⁷⁰. Этот очерк, являющий собой некий симбиоз экспрессионистской патетики с романтизмом Рильке (рецидив времен «внутренней эмиграции») и «жесткой» прозы в духе Хемингуэя, рассматривался многими как одно из образцовых произведений молодой послевоенной литературы⁷¹. Под псевдонимом Антон Виндиш Андерш в 1945 г. публикует в США рассказ «Фройляйн Кристина»⁷², ряд лирических зарисовок; под псевдонимом Франц Ахляйтнер – «Весенние модели шляп в Мюнхене»⁷³, под псевдонимом Томас Градингер – «Заметки из Эйфеля»⁷⁴ и «Наши девушки»⁷⁵. Все эти произведения несут на себе отпечаток эскизности, это своего рода заготовки для чего-то более значительного, некий поиск темы. И действительно, рассказ «Фройляйн Кристина», в основе которого лежит мысль о противопоставлении гуманистиче-

⁶⁷ Andersch, A. “Freundschaftlicher Streit mit einem Dichter.” *Frankfurter Hefte* 4 (1949): 151–152.

⁶⁸ Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...*: 12–13.

⁶⁹ Andersch, A. “Abschied von Rom.” *Der Ruf* (USA) (15.5.1945).

⁷⁰ Andersch, A. “Jahre in Zügen.” *Der Ruf* (München) 2 (1946): 9–12.

⁷¹ Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...*: 89–90.

⁷² Windisch, A. “Fräulein Christine.” *Der Ruf* (USA) (15.6.1945).

⁷³ Achleitner, F. “Münchener Frühlingshut.” *Der Ruf* (USA) (1.5.1945).

⁷⁴ Gradinger, Th. “Tagebuchblätter aus der Eifel.” *Der Ruf* (USA) (1.7.1945).

⁷⁵ Gradinger, Th. “Unsere Mädchen.” *Der Ruf* (USA) (15.8.1945).

ского искусства Барлаха нордическому пафосу нацистов, послужил толчком для создания романа «Занзибар, или Последняя причина» (*Sansibar oder Der letzte Grund*, 1957), где эта мысль получила более развернутое и более убедительное воплощение.

В американских дебютах Андерша проявились антифашистские взгляды писателя, его стремление выразить свою мысль точным и образным языком, и в этом ощущается заметное влияние Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Т. Вулфа, с творчеством которых он был знаком еще в 30-х годах. В обзорной статье «Новые поэты Америки», опубликованной в *Der Ruf*, Андерш анализирует произведения Ш. Андерсона, Т. Вулфа, Т. Драйзера, Д. Стейнбека, Т. Уайлдера, У. Уитмена, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя, отмечает критическое отношение этих писателей к реальной действительности и отсутствие каких-либо стилистических ухищрений в отображении ее: «В центре внимания американской литературы находится американская жизнь [...] Реализм является основой этой жизни, и мы обнаруживаем его в литературе», которая «питается духом современного мира и употребляет его реквизиты»⁷⁶. Эта особенность американской литературы, созвучная принципам «новой вещности», была воспринята Андершем и многими молодыми писателями послевоенной Германии как генеральная линия их творческого восприятия действительности. «Реквизиты» современного мира в противоположность к вневременному миру произведений авторов «внутренней эмиграции» стали неотъемлемой частью новой литературы.

Но не только американские авторы занимали Андерша. В это же время он публикует в *Der Ruf* три статьи о Т. Манне, который для него всегда был недостижимым образцом творческого осмысления проблем своего времени: «Ничего нет более плодотворного для развития основ свободного мышления, чем обращение к творчеству Томаса Манна»⁷⁷. Андерш выступил в защиту гражданской позиции великого немецкого писателя, заявив, что «немецкий народ никогда не понимал Томаса Манна до конца», ибо он «не потакал национальным предрассудкам; чтобы устранить “разлад” между немецким народом и писателем, искупить перед ним вину, не нужно выражать ему восхищение и любовь, а просто, говоря его словами, мы должны снова научиться читать»⁷⁸.

⁷⁶ Andersch, A. “Die neuen Dichter Amerikas.” *Der Ruf* (USA) (15.6.1945).

⁷⁷ Andersch, A. “Deutscher Geist in der Sicht Thomas Manns.” *Der Ruf* (USA) (15.7.1945).

⁷⁸ FA (Andersch, A.). “Thomas Mann.” *Der Ruf* (USA) (1.7.1945).

Пребывание немецких военнопленных в американском плену дало определенный стимул не только становлению новой немецкой литературы, но и способствовало выработке идеологической платформы будущей «Группы 47», и здесь надо назвать имя Ганса Вернера Рихтера. Основным видом литературной деятельности Рихтера в США была журналистика. С 1 сентября 1944 года до 31 августа 1945 года он был сотрудником, а потом редактором газеты *Die Lagerstimme*, выходившей в Эллисе, штат Иллинойс⁷⁹, где и было опубликовано большинство его статей.

Лагерная публицистика Рихтера посвящена проблеме становления новой Германии и ее роли в послевоенной Европе. Суть его высказываний сводится к двум тезисам, ставшими основополагающими для всей политической и литературной деятельности не только Рихтера, но и многих его соратников по мюнхенскому изданию *Der Ruf* и в «Группе 47»: Германия должна быть «посредником между Востоком и Западом», а экономической и политической основой новой Германии должен быть синтез наиболее привлекательных сторон социализма и капитализма. Эти идеи нашли свое полное выражение в статье Рихтера «Восток и Запад», перепечатанной в *Der Ruf* из *Die Lagerstimme*, где автор призывал в «социализме Востока и демократии Запада» искать «общее, а не разъединяющее» и «находить связующее там, где нам может грозить раскол»⁸⁰. Когда в Англии в июле 1945 года к власти пришли лейбористы, Рихтер откликнулся на это событие статьёй в *Die Lagerstimme*, где эта мысль получила более конкретное определение: «путь к демократическому, социалистическому содружеству государств должен происходить не против, а вместе с Россией», ибо «только так Германия может снова возродиться, только так Европа может придти к стабильному и длительному миру»⁸¹.

Рихтер, как и ряд основателей «Группы 47» (А. Андерш, В. Кольбенхоф, В. Маннцен), был членом компартии Германии. Правда, связь эта была недолгой (Рихтера исключили из партии за троцкизм), но мысль о социальном переустройстве мира (без политических издержек коммунистического свойства) не давала ему покоя до последних дней его жизни. Понятно, что послевоенная ситуация в мире воспринималась

⁷⁹ Ibid.: 120.

⁸⁰ Richter, H.W. "Ost und West 77." *Der Ruf*(USA) 12 (1.9.1945): 2.

⁸¹ Цит. по: Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...* : 123–124 (Richter, H.W. "Zum Sieg der 'Sozialistischen Arbeiterpartei' in England." *Die Lagerstimme* (August 3, 1945).

им как наиболее благоприятная для проведения в жизнь идеи синтеза социализма и капитализма, идеи третьего пути развития человечества, тем более что идеи социализма в различного рода интерпретациях пользовались широкой популярностью в Европе и Америке у людей, далеких от коммунистического движения.

Даже знаменитая программа Ф.Д. Рузвельта “New Deal” по ликвидации последствий экономического кризиса 1929–1933 годов содержала в себе элементы социалистического свойства (усиление влияния государства на экономику, реформы в социальной области), что и вызвало резкую критику ее в США и привлекло внимание немецких военнопленных левой ориентации⁸². Г.Р. Хокке под псевдонимом Юлиан Риттер в статье о смерти Ф.Д. Рузвельта, отмечал: «Достоинство и право отдельной личности, свобода мысли были для него такими же проблемами политической значимости, как и вопросы экономики, управления»⁸³. Отсюда обилие статей немецких и американских авторов в *Der Ruf* о различных аспектах социалистического устройства в Германии – от планирования⁸⁴ до глобального пересмотра общественных отношений, основополагающей предпосылкой которых был принцип «соединения социализма и свободы»⁸⁵.

Однако Рихтер понимал, что достижение поставленных целей потребует немалых усилий и трезвой оценки своих собственных возможностей. В его заметке «Новый путь» (“Der neue Weg”, 1945) в *Die Lagerstimme*, перепечатанной в *Der Ruf*, которую можно расценить как программу действий не только в области политики, но и художественного творчества, он пишет: «От иллюзий – к действительности, от мира прекрасных заблуждений – к миру трезвой реальности, – вот путь, по которому должны идти и мы независимо от наших желаний и надежд»⁸⁶.

Именно такой настрой определяет немногие, но очень важные для формирования эстетических взглядов Рихтера и будущих членов «Группы 47» его статьи о поэзии военнопленных. В статье «Лирика

⁸² В 1935 году Ф.Д. Рузвельт определял “New Deal” как сдвиг «немного левее центра», что, однако, не означало обращения к идеям социализма и даже коммунизма, как это пытались инкриминировать президенту его противники.

⁸³ Ritter, J. “Die geistige Welt und der Präsident.” *Der Ruf* (USA) (6.5.1945).

⁸⁴ Bogner, W.F. “Städteplanung im Frieden.” *Der Ruf* (USA) (15.8.1945).

⁸⁵ Anonym. “Sozialer Humanismus.” *Der Ruf* (USA) (15.1.1946); RV. “Sozialismus ohne Revolution.” *Der Ruf* (USA) (1.7.1945).

⁸⁶ H.W.R. “Der neue Weg.” *Der Ruf* (USA) (15.6.1945).

военнопленных», опубликованной в *Die Lagerstimme*, которую можно считать первым программным документом молодой послевоенной литературы, Рихтер конкретизирует применительно к художественному творчеству свой тезис о приверженности «миру трезвой реальности». Анализируя скудость тематики и поэтики лирики военнопленных, вызванную отрывом их от реальной действительности, Рихтер впервые определяет основной эстетический постулат будущей «Группы 47» да и вообще едва ли не всей послевоенной западногерманской литературы: «Как мир восприятия [военнопленных – Е.З.] склоняется к бедности, так и язык должен по необходимости соответствовать этому процессу, потому что и в своем богатстве и в своей бедности он питается все же нашими внутренними силами». Учитывая же «законы бедности жизни военнопленных», в основу поэзии должен быть положен принцип «экономного языка»⁸⁷.

Эта мысль найдет свое полное выражение в статье Рихтера «Лирика военнопленных», опубликованной в 1946 году уже в мюнхенском издании *Der Ruf* и в его предисловии к сборнику «Твои сыновья, Европа!», как, впрочем, и в самом факте издания этого сборника, получившего тогда широкий резонанс не только в литературных кругах. Сейчас же важно обратить внимание на то, что именно в американском плену начали разрабатываться основные идеологические и эстетические постулаты будущей «Группы 47», которые по своей значимости выходили далеко за рамки этого литературного объединения и касались не только и не столько поэзии как таковой, а вообще всего художественного творчества.

Завершая рассказ об американском периоде предистории «Группы 47», можно сказать, что литературная программа американского издания *Der Ruf* в значительной мере предвляла эстетические новации молодых западногерманских писателей. Произведения А. Андерша, В. Кольбенхофа являли собой новый стереотип отражения действительности, прошедший предварительную проверку жизнью. Другой важной особенностью американского издания *Der Ruf* была прочная привязанность его социально-политической и культурной программы к реалиям США. Преимущественная ориентация молодых западногерманских писателей на американскую литературу (писатели старшего и среднего поколения в массе своей оказались не затронутыми амери-

⁸⁷ Richter, H.W. "Lyrik in der Gefangenschaft." *Die Lagerstimme* (6.7.1945) (Wehdeking, V. *Der Nullpunkt...*: 121).

канским влиянием) возникла не в годы американской оккупации страны, а задолго до этого в лагерях для немецких военнопленных в США, и *Der Ruf* сыграл здесь решающую роль. Новая западногерманская литература не была автономным явлением, возникшим исключительно в силу местных условий (что не умаляет ее достоинств и не лишает прав первородства), а постигала немецкую реальность, творчески переосмыслив опыт и достижения американских реалистов, а позднее и представителей европейского модерна.

Весной 1946 года почти все немецкие военнопленные возвратились из США на родину, и *Der Ruf* прекратил свое существование. Не успев обосноваться на немецкой земле, члены бывшей редакции американского издания *Der Ruf* решили продолжить дело, начатое за океаном. Инициатором возрождения *Der Ruf* был Альфред Андерш, работавший после возвращения из плена в литературном отделе мюнхенской газеты *Die Neue Zeitung* под началом известного сатирика и публициста Эриха Кестнера (Kästner. Erich, 1899–1974), и работа эта, как свидетельствует В. Кольбенхоф, также входивший в состав редакции газеты, тяготила его, ибо большая часть времени уходила не на творчество, а на утряску различных, хозяйственных, технических и кадровых проблем, решение которых Кестнер целиком переложил на Андерша⁸⁸. Собственно журналистская деятельность Андерша сводилась, по его признанию, «к созданию небольших сообщений культурного характера»⁸⁹. И все же Андерш с большой теплотой отзывается о своей работе в *Die Neue Zeitung*, ибо именно там он приобрел навыки настоящего журнализма, понял изнутри, как делается большая газета, и употребил полученные знания для создания мюнхенского *Der Ruf*. Более того, именно содержательная часть публикаций *Die Neue Zeitung*, ее либерально-демократическая направленность, послужили для Андерша неким толчком для создания собственного печатного органа совершенно противоположного свойства.

В первые послевоенные годы *Die Neue Zeitung*, выходявшая два раза в неделю полуторамиллионным тиражом не только в Мюнхене, но и во Франкфурте-на-Майне и в Западном Берлине, была самой читаемой газетой в Германии и рассматривалась оккупационными властями как некая модель для других изданий. При всей широте мнений в публикациях *Die Neue Zeitung*, казавшихся необычными для

⁸⁸ Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...*: 20–24, 59–62.

⁸⁹ Andersch, A. “Der Seesack...”: 128.

немецкого читателя после двенадцатилетнего господства нацистов, общая направленность газеты носила консервативно-охранительный характер с элементами американского рационализма, что явно не устраивало критически настроенную молодежь. Как иронически заметил Андерш о своих дискуссиях с Кестнером, «я говорил о Сартре, а он – все о Лессинге»⁹⁰.

Понятно, что Андерш хотел создать такой журнал, где молодое поколение немцев могло бы свободно излагать свои мысли о будущем и настоящем Германии. Являясь восторженным поклонником Ф.Д. Рузвельта⁹¹, его знаменитых «четырёх свобод», определенных в Атлантической хартии 1941 года, – свободы слова, свободы религии, свободы от нужды и страха, Андерш не оставлял надежды воплотить на практике некоторые его идеи в области экономики и социальных отношений, хотя постоянно убеждался в том, что заветы покойного президента США предавались забвению.

Андерш уговорил Курта Винца, бывшего менеджера американского издания *Der Ruf* и главу издательства “Nymphenburg”, возникшего не без помощи американской администрации, употребить все свое влияние, чтобы получить лицензию на издание газеты, подобной американской *Der Ruf*. Правда, в Мюнхене уже издавалось нечто похожее. В качестве приложения к *Die Neue Zeitung* выходил еженедельник *Wort und Tat. Die Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen*, возникший по инициативе Ганса Хабе (Habe, Hans, 1911–1977), известного писателя и главного редактора *Die Neue Zeitung*. И хотя Андерш опубликовал в этом еженедельнике ряд статей, само издание не привлекало его – это был все тот же американский *Der Ruf*, приспособленный для нужд немецких военнопленных, содержащихся в лагерях в Западной Германии, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Уговаривать Винца пришлось еще и потому, что в издательстве “Nymphenburg” уже были планы издания сразу нескольких молодежных журналов, каждый из которых претендовал на то, чтобы быть выразителем дум и чаяний молодых немцев. Бертольд Шпангенберг собирался издавать журнал *Zukunft*, программа которого, при всей близости программе *Der Ruf*, давала больше возможности «старшему поколению обращаться к молодежи, чем молодежи – к молодежи»⁹².

⁹⁰ Ibid.: 131.

⁹¹ Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48...*: 130.

⁹² Vaillant, J. *Der Ruf. Unabhängige Blätter...*: 59–60.

Вольф Лаутербах разрабатывал программу издания журнала *Deutsche Beiträge*, где были бы представлены «все духовные течения и творческие достижения новой Германии, отмеченные особой приверженностью принципам западной демократии»⁹³. Планы издания *Zukunft* так и остались на бумаге, а *Deutsche Beiträge*, вобрав в себя основные положения программы *Zukunft*, обрел статус сугубо литературного журнала с ясно выраженной традиционалистской тенденцией. Предполагалось, что он будет неким литературным приложением к *Der Ruf*, но именно приверженность традициям прошлого, «макулатуре литературной жизни», как выразился Рихтер⁹⁴, привела к тому, что от этого плана пришлось отказаться. Готовился к выходу журнал *Die verlorene Generation* («Потерянное поколение»), мертворожденное детище будущего члена «Группы 47» Николауса Зомбарта (Sombart, Nicolaus, 1923–2008). Хотя Андерш входил в состав редакции этого издания, его явно не устраивала неопределенность политической ориентации и эстетский уклон его программы.

Желание Андерша издавать в Мюнхене продолжение американской газеты *Der Ruf*, но уже другой направленности, совпадало с намерениями американского военного командования, которое еще до отправки немецких военнопленных на родину планировало издание в Германии чего-то подобного. Многие свидетельствуют о том, что рождение мюнхенского *Der Ruf* являлось подготовленной акцией, отсюда легкость, с которой были получены лицензия на издание журнала, бумага и полиграфическая база – вещи по тем временам куда более важные, чем наличие творческих работников.

Первый же номер *Der Ruf* привлек к себе внимание во всех зонах оккупации Германии. *Die Neue Zeitung* писала, что «молчащее поколение заговорило», из чего можно заключить, что остальные молодежные журналы в этом смысле далеко не продвинулись⁹⁵. Более осторожное мнение высказал Карл Корн в *Der Kurier*. Отметив как положительный фактор «атакующую позицию *Der Ruf*», он, однако, предостерег от чрезмерного критицизма, обвинив саму молодежь во всех ее бедах⁹⁶.

И тут опять возникает вопрос: почему именно *Der Ruf*, а не какой-то иной журнал, стал событием в культурной жизни страны? Если

⁹³ Ibid.: 61.

⁹⁴ Richter, H.W. *Briefe*, hrsg.v. S. Cofalla. München, Wien: Carl Hanser, 1997: 23.

⁹⁵ Goldschmidt, L. "Innenpolitische Rundschau." *Die Neue Zeitung* (28.10.1946).

⁹⁶ Korn, K. "Rufer oder Jugend in der Igelstellung." *Der Kurier* (6.11.1946).

в США, учитывая оторванность немецких военнопленных от родины, их политический настрой и поддержку американской военной администрации, издавать антифашистскую газету не составляло особого труда, ибо даже простые и разумные мысли, касающиеся повседневной действительности, могли показаться прогрессивными, то в Западной Германии середины 1946 г., когда уже обозначились контуры новой жизни, прошло потрясение первых послевоенных месяцев и наступила полоса общественной пассивности, усиливающегося неприятия новых социально-политических условий, завладеть вниманием инертной и скептически настроенной читательской массы было непросто. Нужна была такая политическая и эстетическая программа, которая отвечала бы настроениям подавляющего большинства немецкого населения, недовольного действиями американской, английской и французской военных администраций⁹⁷, и в то же время могла бы преобразовать это недовольство в нечто более созидательное, чем обывательское ворчание. Ситуация осложнялась еще и тем, что ко времени появления *Der Ruf* в Западной Германии выходило свыше 600 различных журналов, из них литературных – 72, молодежных – 46.

Журнальная лихорадка первых послевоенных лет отражала потребность западногерманской интеллигенции выразить свое отношение к судьбам немецкой нации. Однако, и в этом заключался весь парадокс, читательская аудитория большинства журналов оставалась ограниченной, если не сказать мизерной. Причина подобного положения заключалась не столько в политической и культурной пассивности населения, сколько в чрезмерном академизме многих изданий, в сознательной ориентации на консервативные, университетские круги. Такие журналы, как *Frankfurter Hefte*, *Lancelot*, *Die Wandlung*, *Gegenwart*, *Neue Auslese*, *Die geistige Welt* и ряд других, важных для рассматриваемого периода, были рассчитаны на подготовленного читателя, способного воспринять и переосмыслить антично-христианский мир идей, характерных для этих изданий, или понять и по достоинству оценить творчество англо-американских и французских писателей и философов, чьи имена не сходили со страниц даже иллюстрированных журналов, не говоря уже о специальных изданиях.

Журнал *Neue Auslese* приводит письмо читателя, имеющего докторскую степень, который справедливо сомневается в целесообразности

⁹⁷ Koch, Th. "Feuilletonistische Ansprache eines Betroffenen oder die Feuilletonisierung unserer Literatur." *Athena* 3 (1947): 102.

ности таких публикаций: «Все это, возможно, интересно и полезно, но вы действительно считаете нас, немцев, “народом мыслителей”, публикуя в каждом номере статьи, достигающие высот метафизики?».⁹⁸ Ему вторит читатель *Die Amerikanische Rundschau*, порицая «абстрактно-академическую» направленность его публикаций.⁹⁹

Хотя приведенные примеры касаются журналов, издававшихся американской военной администрацией, проводившей «разъяснительную работу [...] недифференцированно и без учета особенностей немецкой нации»,¹⁰⁰ что выразалось в данном случае в перепечатке из американской прессы различных статей, подобные упреки можно отнести и к немецким изданиям.

Писатель Альфред Дёблин (Döblin, Alfred, 1878–1957), издатель журнала *Das Goldene Tor*, писал: «Журналы в Германии, кажется, становятся явлением природы – они обрушиваются с небес или возникают из ада. Во всяком случае, их нужно героически переносить»¹⁰¹.

В противовес многим журналам и газетам тех лет программа *Der Ruf* отличалась конкретностью, была понятной и привлекательной для широкого читателя, именно поэтому «во многих городах образовались общества друзей *Der Ruf*, а к издателям журнала поступали просьбы о создании партии *Der Ruf*»¹⁰². Недаром за восемь месяцев существования мюнхенского *Der Ruf* его тираж превысил 100 000 экземпляров. По темпам роста тиража *Der Ruf* не было равных в истории периодики ФРГ, включая даже иллюстрированные журналы. Так, тираж еженедельника *Der Spiegel* с 15 тысяч в 1946 г. к 1948 г. достиг 66 тысяч и лишь в 1950 г. превысил 118 тысяч¹⁰³.

⁹⁸ “Aus Briefen unserer Leser Neue Auslese.” *Der Ruf* (München) 5 (1948): 129.

⁹⁹ “Lesebrief an Die Amerikanische Rundschau.” *Die Amerikanische Rundschau* 6 (1946): 92. Косвенным свидетельством отрицательной реакции читателей на «вызывающий академизм» многих литературно-художественных журналов первых послевоенных лет является успех иллюстрированных журналов. Издатель журнала *Der Spiegel* Р. Аугштейн вспоминает: «Тогдашняя немецкая пресса была настолько скучна, а у людей накопилось так много обесцененных денег, что они готовы были купить любое чтиво, представляющее хоть какой-нибудь интерес» (*Олсен А. Судьба гамбургского «Зеркала» // За рубежом. 1965. № 30. С. 22*).

¹⁰⁰ Kogon, E. “Gericht und Gewissen.” *Frankfurter Hefte* 1 (1946): 29.

¹⁰¹ Döblin, A. “Zeitschriftenschau.” *Das Goldene Tor* 2 (1946): 198.

¹⁰² Schwab-Felisch, H. “Einleitung.” *Der Ruf. Eine deutsche Nachkriegs Zeitschrift*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1962: 16.

¹⁰³ *Олсен А. Судьба гамбургского «Зеркала»*. С. 22.

Конечно, обилие журналов еще не означало обилия художественных произведений, но и сбрасывать со счетов периодику тех лет не следует, ибо в силу специфики времени газеты и журналы были своего рода «приемными родителями послевоенной литературы», поддерживая писателей духовно и материально¹⁰⁴.

Программная установка *Der Ruf* определялась редакционными статьями А. Андерша («Молодая Европа формирует свой облик» – 1946, № 1) и Г.В. Рихтера («Почему молчит молодое поколение?» – 1946, № 2). В противоположность духовно-морализаторской направленности *Die Wandlung* или *Frankfurter Hefte* Андерш увязывает внутригерманские проблемы с проблемами европейскими и мировыми, подчеркивая тем самым значимость исторических событий, происходящих в Германии, и особую ответственность немцев, прежде всего молодежи, за судьбы Германии и Европы. Будущее страны и континента мыслится им как общество «социалистического гуманизма», где господствует «экономическая справедливость». Речь идет не о социальных реформах, а об изъятии «средств производства из частного владения», о ведении «планового хозяйства». «Социалистический гуманизм» подразумевает также «левую» ориентацию в области культуры, «отказ от национальных и расовых предрассудков»¹⁰⁵.

Мысли эти навеяны идеями «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, внутреннюю политику которого Андерш расценивал как знамение времени, однако к середине 40-х годов отношение в США к экономическим и социальным реформам президента резко переменилось: его реформы объявили «социалистическими экспериментами», а самого Рузвельта – чуть ли не коммунистом¹⁰⁶. Доказывая растущую популярность идей социализма, Андерш ссылается на французских экзистенциалистов (С. Бовуар, А. Камю, Ж.-П. Сартра), на мнение итальянского писателя И. Силоне о «синтезе социализма и религиозного мышления», на победу лейбористов в Англии и т.д.¹⁰⁷.

Наконец, многие программные положения статьи Андерша навеяны идеями американских экономистов и политиков и поэтому получили одобрение в американских официальных кругах. *Die Neue Zeitung*

¹⁰⁴ Lattmann, D. “Stationen einer literarischen Republik.” *Die Literatur der Bundesrepublik Deutschland*, hrsg. v. D. Lattmann. Zürich: Kindler, 1973: 46.

¹⁰⁵ Andersch, A. “Das junge Europa formt sein Gesicht.” *Der Ruf* (München) 1 (1946): 2.

¹⁰⁶ Лан В. США в военные и послевоенные годы (1940–1960). М.: Наука, 1978. С. 158.

¹⁰⁷ Andersch, A. “Das junge Europa...”: 1.

сразу же перепечатала эту статью, сопроводив ее такими словами: «Мысли, высказанные здесь, достойны внимания не только потому, что мы воспринимаем их как первое волеизъявление поколения, которое обвиняют в политической и культурной апатии и несовершеннолетия, но и по причине наличия духа свободолюбивой и стремительной критики, которой отмечены эти программные высказывания»¹⁰⁸. Не пройдет и года, и эта программная установка *Der Ruf* подвергнется на страницах той же *Die Neue Zeitung* резкой критике.

Тезисы Андерша нашли поддержку и развитие в статьях Рихтера «Почему молчит молодое поколение?», «Пути развития социализма», «Германия – мост между Востоком и Западом», «Черчилль и европейское единство». Рихтер прокламировал идею «синтеза между социализмом Востока и демократией Запада», «между демократическим государственным устройством и социалистическим ведением хозяйства», где «социализм демократизировался бы, а демократия – социализировалась», полагая, что это соединение может породить новую «форму государства будущего... – социалистическую демократию»¹⁰⁹. Подобные мысли отражали настроения различных слоев населения Западной Германии, в том числе и молодежи.

Рихтер вспоминает, что «не было почти ни одного журнала, где бы ни печатались статьи, проникнутые духом социализма, не было ни одной газеты, где бы ни обсуждались социалистические теории»¹¹⁰. Идеи социализма использовали все партии в своих целях, хотя в основе своей социализм как политическое движение многим из них был чужд. Программа социального переустройства послевоенной Германии, выдвигаемая *Der Ruf*, была близка программе его старшего собрата – молодежного журнала *Ende und Anfang*, имевшего широкое хождение в клерикальных кругах и проповедовавшего «христианский социализм». Более умеренных взглядов на этот счет придерживался левый католический журнал *Frankfurter Hefte*, призывая всех христиан принять активное участие в «осуществлении давнего стремления ра-

¹⁰⁸ Andersch, A. “Das junge Europa formt sein Gesicht.” *Die Neue Zeitung* (19.8.1946).

¹⁰⁹ Richter, H.W. “Deutschland – Brücke zwischen Ost und West.” *Der Ruf* (München) 4 (1946): 4–5.

¹¹⁰ Richter, H.W. “Bilanz! Bilanz! Zwanzig Jahre Bundesrepublik aus der Sichtn einen engagierten Schriftstellers.” *Die neue Gesellschaft* (1.5.1969): 68.

бочего движения к гуманному ведению хозяйства»¹¹¹, выдвигая лозунг «свобода и экономическая надежность»¹¹².

Однако попытки церкви шагать в ногу со временем вызвали недоверие в консервативных кругах. Август Шолтис (Scholtis, August, 1901–1969), один из наиболее ярких авторов «внутренней эмиграции», зло высмеял в романе «Волшебный костыль» (*Die Zauberkrücke*, 1948) «социализм бедных людей, замешанный на пруссачестве, христианстве и марксизме»¹¹³. Позже Вольфганг Кёппен, но уже с иных позиций, не менее зло отозвался о политических воззрениях одного из героев своего романа «Теплица» (*Das Treibhaus*, 1953), лидера социал-демократов в бундестаге Кнурревана, прообразом которого можно с большой долей уверенности считать Курта Шумахера (Schumacher, Kurt, 1895–1952), главу социал-демократов тех лет: «...он хотел быть Бисмарком [...] и одновременно Арндтом, Штейном, Гарденбергом и немножко Бебелем»¹¹⁴.

При всей приверженности редакции *Der Ruf* идеям социализма отношение ее к социал-демократам, как и к остальным партиям, было отрицательным, что объяснялось всеобщей подозрительностью ко всяким партиям. Современники с озабоченностью отмечали, что молодежь повсеместно «отрицает политику и партии лишь потому, что нацисты выступали как партия и постоянно говорили о примате политики»¹¹⁵.

В редакции *Der Ruf* эти настроения поддерживались еще и потому, что ведущие авторы журнала вышли из рядов социал-демократической и коммунистической партий, а затем, в силу несогласия с политикой своих партий, потеряли связь с ними. Слова Рихтера о том, что «Германия – это страна половинчатых и никогда не доведенных до конца революций, удачных контрреволюций и упущенных эволюций», сказанные им еще в 1947 г., можно было бы поставить в качестве эпиграфа ко многим публикациям авторов *Der Ruf*¹¹⁶.

Выдвигая смелые проекты политических и экономических преобразований в стране, редакция журнала меньше всего заботилась

¹¹¹ Knappstein, H.W. “Die Stunde der Sozialreform.” *Frankfurter Hefte* 3 (1946): 1.

¹¹² EK (Eugen Kogon). “Ernest Bevin – Großbritanniens Außenminister.” *Frankfurter Hefte* 2 (1946): 1.

¹¹³ Scholtis, A. *Die Zauberkrücke*. Berlin: Chronos, 1948: 101.

¹¹⁴ Кёппен В. Теплица // Кёппен В. Голуби в траве... С. 256.

¹¹⁵ Kauffeldt, A. “Bildungslücken.” *Aufbau* 6 (1946): 649.

¹¹⁶ Richter, H.W. “Die versäumte Evolution.” *Der Ruf* (München) 11 (1947): 1.

о реализации этих проектов. Руководство *Der Ruf* не предпринимало никаких попыток наладить контакты с университетами, предприятиями, профсоюзами, не говоря уже о партиях, чтобы заинтересовать своими идеями широкие массы. На все предложения включиться в политическую жизнь страны, принять мандаты депутатов земельных собраний Баварии и Шлезвиг-Гольштейна (предложения исходили как от ХДС, так и от СДПГ) Андерш и Рихтер отвечали отказом¹¹⁷. Своё решение они мотивировали традиционным, идущим ещё от Гёте¹¹⁸, нежеланием связывать себя узами партийной дисциплины, программными установками, сдерживающими свободу творчества. Позднее Андерш скажет: «Мы ведь хотели писать и чувствовали себя журналистами, публицистами, будущими писателями и поэтами отвергли это предложение из-за отсутствия склонности к политической работе в духе повседневной партийной деятельности»¹¹⁹. Ему вторит Шнурре: «Писатель, который вынужден подчиниться партийной дисциплине, перестает быть писателем»¹²⁰. Отказ *Der Ruf* от практической деятельности связан также с элитарной концепцией руководства *Der Ruf*, считавшего журнал неким мозговым центром нации, в задачу которого входит «комментировать, анализировать ход истории» и «вмешиваться в него лишь на уровне духовном», ибо «интеллигент является наблюдателем, а не актером истории»¹²¹. Однако такая позиция, обладая внешней привлекательностью, таила в себе заметные слабости, и авторы *Der Ruf* сознавали это. Андерш писал в 1947 году, что хотя «дух и определяет ситуацию, но он не изменяет ее [...], потому что движется в безвоздушном пространстве. Он не может осуществиться на практике, потому что не обладает властью»¹²². Тем не менее, идея создания духовной элиты осталась ведущей для *Der Ruf*, что выразилось в осо-

¹¹⁷ *Die Gruppe 47: ein kritischer Grundriss*, hrsg.v. H.L. Arnold. München: Text + Kritik, 1980: 41.

¹¹⁸ «Ежели поэт стремится к политическому воздействию, ему надо примкнуть к какой-то партии, но, сделав это, он перестает быть поэтом, ибо должен распротиться со свободой своего духа, с независимостью своего взгляда на мир и, напротив, натянуть себе на голову дурацкий колпак ограниченности и слепой ненависти» (*Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни*. М.: Художественная литература, 1981. С. 466).

¹¹⁹ *Die Gruppe 47*: 58.

¹²⁰ Sandmeyer, P. "Schreiben nach 1945. Ein interview mit Wolfdietrich Schnurre." *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*: 201.

¹²¹ *Die Gruppe 47*: 58–59.

¹²² Andersch, A. "Aktion oder Passivität?" *Der Ruf* (München) 12 (1947): 1.

бой приверженности журнала проблемам молодого поколения. Эта тема, сквозная для всех публикаций *Der Ruf*, получила обоснование в статье Рихтера «Почему молчит молодое поколение?». Если Андерша беспокоила международная изоляция немецкой молодежи, тяготеющее над ней проклятие невольного соучастия в преступлениях нацистов, то Рихтер обратился к положению молодежи в стране, к проблеме «отцов и детей». «Моральные, духовные и нравственные развалины, которые оставило им поистине “потерянное поколение”, достигли огромных размеров и кажутся еще более значительными, чем реальные развалины. Любая возможность соприкосновения с прошлым, любая попытка начать там же, где в 1933 году старшее поколение сошло с непрерывного пути развития, чтобы капитулировать перед каким-то иррациональным приключением, выглядели перед лицом этой картины как парадокс»¹²³.

Отсюда вытекает знаменитый тезис об «абсолютном и радикальном начале», оказавший огромное влияние на последующий ход развития молодой западногерманской литературы, породив не менее знаменитый термин «литература дня ноль». Оба эти понятия и сегодня вызывают споры, хотя в основе своей германисты едины во мнении об их относительности, метафоричности, вызванных ощущением тотального распада всех привычных связей. Молодые писатели, говоря о «нулевом пункте», фактически, как заметил И. Фрадкин, отрицательно относились лишь «к тому, что они непосредственно застали, вступив в литературу, т.е. (разумеется!) к нацистской “письменности”, а также к творчеству “внутренних эмигрантов” и “магических реалистов”»¹²⁴.

Г.В. Рихтер проводит мысль о том, что молодое поколение, прошедшее через искус фашизма и убедившееся в его преступности, не желает иметь ничего общего с прошлым и намерено строить свою жизнь на совершенно новых принципах. В глазах молодежи фашизм дискредитировал такие понятия, как «партия», «класс», «общность», и поэтому на первое место выдвигается не «человек-масса», а «человек-личность». Рихтер пишет: «Механика экономических закономерностей, должная обуславливать и определять человеческое бытие и занимавшая огромное место в духовных дискуссиях прошлого столетия, стала явлением второстепенным [...] С разрушением вещей

¹²³ Richter, H.W. “Warum schweigt die junge Generation?” *Der Ruf* (München) 2 (1946): 1–2.

¹²⁴ Фрадкин И. Литература первых послевоенных лет // История литературы ФРГ / Под ред. И. Фрадкина. М.: Наука, 1980. С. 45.

и нивелировкой людей она ликвидировала классовые противоречия, перемолола свой собственный экономический базис и оставила человека наедине с человеком. Таким образом, человек, надломленный по отношению к окружающему миру, сомневающийся и заблуждающийся в своем существовании по отношению к Богу, к космосу, к самому себе, вновь оказался в центре жизни, снова стал бездействующим (основным) полюсом нового общественного бытия»¹²⁵. Какими бы спорными ни были социально-экономические выкладки Рихтера, он прав в одном – послевоенная молодежь, разуверившись в идеалах прошлого, вынуждена была искать новые этические и эстетические образцы.

Действительно, если сравнить первые и последние номера *Der Ruf* перед уходом Рихтера и Андерша из редакции, то можно обнаружить четко наметившийся интерес к проблемам литературы. Об этом говорят первые публикации стихов Г. Айха, В. Бэхлера, рассказов В. Шнурре, В. Кольбенхофа, З. Хельдвайна, Й. Мюльбергера, Э. Мюллер-Кампа, Й. Кастья, И. Шнайдер-Ленгель, Г. Гронойер, Н. Зомбарта, Э. Кройдера, не говоря уже о литературных репортажах Г.В. Рихтера и А. Андерша. Хотя большинство этих публикаций представляет чисто исторический интерес, их все же можно рассматривать как некое предвещание расклада творческих проявлений будущей «Группы 47» на начальном этапе ее существования. В них ярко отразился сам процесс творческого поиска молодых литераторов, однако он носил односторонний характер, преимущественно с оглядкой на американские образцы, что, несомненно, было вызвано следствием пребывания ведущих авторов *Der Ruf* в лагерях для военнопленных в США. Правда, ряд авторов *Der Ruf* (А. Андерш, Н. Зомбарт) пытались расширить горизонты заимствований за счет европейских образцов, обращаясь к творчеству французских писателей Жан-Поля Сартра, Альбера Камю, Симоны де Бовуар, Жана Ануя, т.е. ведущих представителей французского экзистенциализма. Однако, несмотря на все старания Андерша и Зомбарта, французский экзистенциализм не вызвал у авторов *Der Ruf* энтузиазма. Отчасти это объяснялось, по словам Рихтера, «слабым интересом этих молодых немецких писателей к философии», т.к. «она в своем развитии зашла в тупик»¹²⁶, отчасти же – вторым «открыти-

¹²⁵ Richter, H.W. “Warum schweigt die junge Generation?»: 1–2.

¹²⁶ Morrien, A. “Interview mit Hans Werner Richter 1951.” *Dichter und Richter. Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur*. Berlin: Die Akad, 1988: 35.

ем» для них творчества Франца Кафки. Именно на этом настаивает Г. Бёлль, говоря о том, что постижение экзистенциализма происходило трудно и воздействие его на творческую молодежь ощущалось лишь косвенно¹²⁷.

Наряду с рецензиями о выходе в свет наиболее важных, по мнению редакции *Der Ruf*, книг, предпринимались попытки найти единую составляющую идеологических и эстетических принципов новой литературы (Г.В. Рихтер «Лирика военнопленных»; Г.Р. Хокке «Немецкая каллиграфия»; В. Шнурре «Старые мосты – новые берега»). При этом литературная проблематика рассматривалась сквозь призму политических установок журнала, о чем свидетельствует статья Рихтера «Лирика военнопленных», являющая собой некое литературное приложение к его программной статье «Почему молчит молодое поколение?». Объясняя молчание молодого поколения потрясениями войны и фашизма, Рихтер заявляет о том, что в недрах этого поколения уже происходит «духовная борьба за человека, за создание его нового облика, за переустройство его мира и жизни», и как следствие – лирика военнопленных, в которой молодые немцы пытаются осознать прошлое и определиться в настоящем: «Только чрезвычайно экономное слово, только трезво высказанное предложение могут в своей абсолютной простоте передать демонические движущие силы нашего времени, голод, войну, разрушение городов, одиночество отдельной личности в толпе»¹²⁸.

Мысли Рихтера о лирике военнопленных нашли свое выражение в его программной статье «Литература в междуцарствии» (1947), однако настоящим манифестом «литературы дня ноль» стала статья Г.Р. Хокке «Немецкая каллиграфия, или Блеск и нищета современной литературы» (1946). Основной вывод работ Хокке сводится к тому, что маньеризм как направление в искусстве, литературе, музыке, театре, отражающее кризисные ситуации в развитии общества, присущ не только и не столько заключительной фазе искусства Возрождения, но вообще искусству всех эпох, в том числе и современному, переживающему сходную кризисную ситуацию. Принципиальный «антиклассицизм» маньеризма вызван, считает Хокке, тем, что «классика» как унифицирующая сила порядка во многом теряет свое очарование, потому что она,

¹²⁷ “‘Ich habe nichts über den Krieg aufgeschrieben’ Ein Gespräch mit Heinrich Böll und Hermann Lenz.” *Nachkriegsliteratur. Literaturmagazin* 7: 120.

¹²⁸ Richter, H.W. “Lyrik der Kriegsgefangenen.” *Der Ruf* (München) 3 (1946): 9.

к сожалению, профанируется в новейшее время как декоративно-идеологическая система диктатур любой окраски»¹²⁹. Нечто подобное увидел Хокке и в литературной ситуации первых послевоенных лет в Западной Германии, отмеченных противоборством эстетических концепций писателей «внутренней эмиграции» и писателей молодого поколения. Отдавая должное заслугам писателей «внутренней эмиграции», объясняя причины, побудившие их разрабатывать «пасторально-идиллические, элегически-эгоцентрические или маньеристски-эссеистические формы», как способ «избежания политической компрометации или волчьей цензуры», Хокке упрекает их в том, что они и после 1945 года продолжают писать в прежнем духе, как будто в политической жизни страны не произошло никаких перемен¹³⁰.

Завершающим аккордом этих поисков можно считать обзорную статью Рихтера «Литература в междуцарствии», основные положения которой надолго определили ход развития молодой западногерманской литературы. Исходя из того, что общество находится «на переломном этапе между либерально-буржуазным миром прошлого и надвигающимся социалистическим, пролетарским миром будущего», а буржуазная литература, особенно литература «внутренней эмиграции», перед лицом жестокой действительности фашизма и послевоенной разрухи предпочла укрыться «в лесах уединения», предаваясь там «словесным играм», Рихтер объявляет о смерти литературы прошлого: «Больше никто не сможет оживить ее, ни журналы, уныло ковляющие на своих гуманистических костылях-подпорках по нашей действительности, пропитанной кровью, ни отдельные критики, которые пытаются, держась за косицу пережитков прошлого, судить о становлении будущего. Нам остается лишь пустое поле, обрамленное руинами, где несколько заблудившихся и запутавшихся несчастных невнятно лепечут свои исповеди. И все же это поле предназначено для будущих экспериментов»¹³¹.

Литература эмиграции, считает Рихтер, также не отвечает задачам времени. Отдавая должное ее достижениям, он, однако, считает, что эта литература, оторванная от родного языка, от жизни страны и народа, повторила путь литературы «внутренней эмиграции» и «из прогрессивной литературы превратилась в литературу застоя». Рихтер с горечью замечает, что «вместе с идиллиями лириков, воспевавших

¹²⁹ Hocke, G.R. *Die Welt als Labyrinth. Manierismus in der europäischen Kunst und Literatur*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1987: 275.

¹³⁰ Ibid.: 9.

¹³¹ Richter, H.W. "Literatur im Interregnum." *Der Ruf* (München) 15 (1947): 10.

звезды, лес и луга, умер и психологический и аналитический дух «Романского кафе»¹³².

Малопродуктивным считает Рихтер и обращение молодежи к реализму Фонтане, Шпильгагена: «Этот реализм принадлежит прошлому столетию. Реставрировать его – все равно, что проходить с завязанными глазами мимо действительных проявлений жизни»¹³³. Возражения вызывают у него и слепое подражание молодых авторов канонам американских реалистов Фолкнера, Хемингуэя: «У них мы можем учиться, но только учиться, не более того [...] Их мир переживаний лежит вне наших пределов. Нас разделяет не только океан, но и время. Это время потрясений, которые не затрагивают современную американскую жизнь»¹³⁴.

Хотя реализм как способ настоящего постижения действительности обладает, по мнению Рихтера, для молодых авторов «магической притягивающей силой», ибо их мировосприятие «находится в непосредственной близости к нему, все же этот реализм иной, чем реализм прошлых дней»¹³⁵. Суть этого реализма Рихтер объясняет наличием «новой действительности, основным признаком которой являются руины», олицетворяющие собой «кровавые события нашего времени и нашей жизни», «сомнительность нашего духовного существования», «неопределенность нашего душевного смятения», что и «возвышает этот реализм из простого восприятия объективного в сферу магического»¹³⁶. Отсюда вывод: «Задача новой реалистической литературы состоит в том, чтобы при сохранении непосредственного реалистического содержания показывать за действительным – недействительное, за реальным – ирреальное, за великим общественным процессом преобразований – изменение человека». Поэтому единственным способом постижения «новой действительности» Рихтер считает «магический реализм или объективизм»¹³⁷, тем более, что этот способ наиболее

¹³² Ibid.: 10. – «Романское кафе» – своеобразный культурный центр Берлина и всей Германии конца XIX – начала XX веков. Здесь бывали Г. Бенн, М. Брод, А. Дёблин, Ф. Верфель, Г. Гросс, Э.Э. Киш, В. Кёппен, К. Тухольский – практически весь цвет немецкой литературной и художественной интеллигенции.

¹³³ Ibid.: 10.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Ibid.: 11.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid.

отвечает ментальности молодых авторов, изучавших жизнь не в университетских аудиториях, а на полях сражений.

Статья Рихтера носит итоговый характер, определяя пути дальнейшего развития молодой литературы. Программный характер ее вызван начавшимся осознанием редакцией *Der Ruf* иллюзорности ее политических амбиций, а не состоянием дел в литературе. Изначальная политическая ориентация авторов *Der Ruf* отводила литературе вспомогательную роль. Однако обострение отношений редакции с издательством и американской военной администрацией привело к тому, что литература как обходное средство выражения политических идей стала привлекать к себе все большее внимание ведущих авторов *Der Ruf*. Политические обстоятельства заставили их стать писателями с ярко выраженной политической направленностью, тем более что некоторые предпосылки литературного свойства у них уже были. Таким образом, ведущие авторы *Der Ruf*, сами того не подозревая и не желая, превратились в некое подобие «внутренних эмигрантов» новой формации, выражавших теперь свой протест против политической ситуации в Западной Германии не пестованием стиля и мудреными иносказаниями, а пестованием литературы как таковой, видя в ней единственный способ прямого и не подлежащего цензуре общения с читателем. Понятно, что многие выводы статьи Рихтера основывались на анализе публикаций в *Der Ruf* и в ряде журналов, близких ему по своей политической и эстетической ориентации. Другой литературы просто не было. Молодые авторы делали только первые шаги на литературном поприще, и делать это приходилось на довольно узком пространстве – на страницах газет и журналов.

Художественно-публицистическая активность воздействия на читателя публикаций авторов *Der Ruf* была связана с общей тенденцией усиления критики оккупационных властей на страницах журнала. Рихтер считал эти процессы неразделимыми: «Если вы пытаетесь создать новый язык, то вы непременно попадаете в область политики; мы уже видели в Третьем рейхе, чего можно добиться с помощью языка. Поэтому для нас очищение литературы было не самоцелью и связано с очищением языка вообще, политического языка»¹³⁸. Ему вторил Андерш: «Как бы то ни было, но исходили из того факта, что литература обладает политическим воздействием»¹³⁹.

¹³⁸ *Die Gruppe 47...*: 62.

¹³⁹ *Ibid.*: 11.

Это обстоятельство и вызывало беспокойство американской военной администрации, озадаченной необычностью содержания *Der Ruf*, резко отличавшегося от привычных публикаций в стандартном «молодежном журнале» американского образца. В *Die Neue Zeitung* 31.01.1947 г. появилось «Открытое письмо» Карла Эббингхауза, где Андерш и Рихтер обвинялись в преднамеренной пропаганде национализма, чем и вызвана их критика оккупационных властей. Учитывая тот факт, что эта газета отражала официальную позицию американской военной администрации, ответ редакции *Der Ruf* был неким напоминанием американцам об их же собственных представлениях о свободе и демократии¹⁴⁰. Позицию *Der Ruf* по-своему «поддержал» и Эрих Куби, который, хотя и отрицал преднамеренность действий редакции журнала, однако считал, что некоторый налет национализма в публикациях *Der Ruf* все же имеется и вызван он «остаточным воздействием настоящего национализма»¹⁴¹, т.е. инерцией подсознательного мышления стереотипами времен фашизма. Как бы то ни было, но нужные слова были произнесены, и у американской военной администрации появилась легальная возможность избавиться от слишком неудобного журнала.

Эта полемика примечательна не тем, что ее участники неверно толковали редакционную политику *Der Ruf*, а тем, что каждый из них имел прямое отношение к газете (Эббингхауз печатался в *Der Ruf*, а Куби едва не стал его редактором). Еще на начальном этапе возникновения мюнхенский журнал *Der Ruf* стал объектом соперничества между бывшими сотрудниками американского издания и публицистами, близкими к американской военной администрации в Мюнхене, которые прилагали максимум усилий для того, чтобы дискредитировать в глазах американцев Рихтера, Андерша и возглавляемую ими редакцию. Уже первые номера *Der Ruf* подверглись критике со стороны Куби, бывшего в то время сотрудником «Отдела по контролю за информацией». Составив в свое время программу *Der Ruf* для получения лицензии на издание этого журнала и представив ее надлежащим образом американским властям, Куби рассчитывал занять пост одного из редакторов *Der Ruf*. Но в силу своих сугубо проамериканских взглядов с ярко выраженным антикоммунизмом он не вписывался

¹⁴⁰ Anonym. “Sorgen im Lager der erhobenen Zeigefinger.” *Der Ruf* (München) 13 (1947): 3.

¹⁴¹ Parlach, A. (Kuby, E.) “Nationalismus und Kritik.” *Süddeutsche Zeitung* (8.2.1947).

в редакционную команду *Der Ruf*. Однако Куби не оставлял надежд завладеть этим изданием. Пользуясь своим служебным положением, он обвинял редакцию *Der Ruf* в закрытых рецензиях в политической неблагонадежности, советуя издательству сменить руководство журнала во избежание неприятностей со стороны американцев¹⁴². Свою роль в этом деле сыграло и уязвленное авторское самолюбие Куби, чьи статьи Рихтер отказывался публиковать в *Der Ruf* по причине их полного несоответствия редакционной политике журнала¹⁴³, что и привело к тому, что в лице Куби будущие основатели «Группы 47» обрели своего первого врага. Сам же Эббингхауз сыграл роль подсадной утки. Андерш, как выразился журнал *Der Spiegel*, «пригрел на своей груди змею»¹⁴⁴, рекомендовав в свое время его на свое место в *Die Neue Zeitung* и публикуя в *Der Ruf* его статьи.

Опасения по поводу наличия в публикациях *Der Ruf* элементов националистского пафоса, речевых штампов нацистской пропаганды высказывались критиками чуть ли не с первого номера журнала. Так, Карл Корн, в статье «“Руфовцы”, или Молодежь в круговой обороне», приветствуя деятельность редакции *Der Ruf*, выступил против «повторного создания мифа о фронтовиках», ибо «нельзя говорить о том, что они стойко держались, пускай безо всякого смысла, но с честью», да при том говорить еще об этом «языком сообщений главного командования вермахта». Обманутое нацистами «молодое поколение не должно из своего разочарования и нужды делать добродетель»¹⁴⁵.

При всей справедливости высказанных претензий Корн забывает (или не знает), что в задачу *Der Ruf* как в США, так и в Германии, входило перевоспитание именно националистски настроенных солдат вермахта. Добиваясь их доверия, редакция вынуждена была прибегать к языковым средствам, привычным восприятию этих солдат. Сознвая опасность, но и необходимость такого языкового эксперимента,

¹⁴² Vaillant, J. *Der Ruf. Unabhängige Blätter...*: 115–116.

¹⁴³ Richter, H.W. “Wie entstand und was war die Gruppe 47?” *Hans Werner Richter und die Gruppe 47*, hrsg. Hans A. Neunzig. München: Nymphenburger, 1979: 69–70. Самолюбие Э. Куби было настолько уязвлено, что и много лет спустя он не мог простить того, что с историей журнала *Der Ruf* связывают не его имя, а имена Андерша и Рихтера. В своих книгах (Kuby, E. *Aus schöner Zeit. Vom Carepaketen zur Nachrüstung: der kurze deutsche Urlaub*. Hamburg: Rasch und Röhring, 1984; Kuby, E. *Mein ärgerliches Vaterland*. München: C. Hanser, 1989) он пытается доказать, что именно он был тем человеком, которому *Der Ruf* обязан своей славой.

¹⁴⁴ Anonym. “Zu viel Echo: *Der Ruf* wurde verboten.” *Der Spiegel* 17 (1947): 12.

¹⁴⁵ Korn, K. “Rufer oder Jugend in der Igelstellung.” *Der Kurier* (6.11.1946).

Андерш писал: «*Der Ruf* пробивается сквозь очень тонкую, почти неразличимую щель в рядах молодого поколения. Но она имеет решающее значение. Если прорыв удастся, то оттуда можно будет “смять фронт противника ударом с фланга”, т.е. преобразовать скрытую враждебность в нечто лучшее. По этой причине нам предстоит теперь заняться тончайшим рукоделием, в связи с чем редакция работает на очень тонкой разделительной линии, пролегающей между чувствами молодого поколения в той мере, в какой они являются порядочными, и требованиями высокой политики в той мере, в какой они являются правильными. Здесь можно действительно свернуть шею»¹⁴⁶.

Эту тактическую особенность редакционной политики *Der Ruf* и противопоставил Г.Р. Хокке, не одобрявший радикальность политической позиции журнала, обвинениям К. Корна в своем письме этому критику¹⁴⁷. Даже Э. Куби в донесении в «Отдел контроля за информацией» отмечал, что «если *Der Ruf* нашел более сильный отклик среди бывших молодых национал-социалистов, настроенных идеалистически, чем среди тех молодых людей, которые хвастаются тем, что они всегда оставались невосприимчивыми к национал-социалистской заразе», то именно в этом и состоит ценность *Der Ruf*, ибо «речь идет не о том, чтобы доказывать демократам, что они были правы, а о том, чтобы показать совращенным новый путь»¹⁴⁸.

Наконец, не нужно забывать, что и сами члены редакции *Der Ruf* находились в той же языковой среде, что и их читатели. Много позже, отвечая на обвинения в близости языка *Der Ruf* языку публицистики Третьего рейха, Г.В. Рихтер писал: «Молодые люди, вернувшиеся со Второй мировой войны, выросли в том же языковом окружении, жили с этим языком. Они не могли в одночасье отделаться от него. Только в последующие годы – во времена радикальной “вырубки” – наступил перелом»¹⁴⁹.

Первые проявления начавшейся холодной войны все же оказались сильнее всех этих доводов, да и редакторам не хватило политического чутья, чтобы усмотреть в обрушившихся на них обвинениях нечто более серьезное, чем «подковерную борьбу» в недрах издатель-

¹⁴⁶ Brief, A. Andersch an B. Spangenberg vom 27.8.1946. – Цит. по: Vaillant J. *Der Ruf. Unabhängige Blätter...*: 138.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Richter, H.W. “Wie entstand und was war die Gruppe 47...”: 77.

ства “Nymphenburg”. Правда, они предприняли попытку заручиться помощью Т. Манна, послав ему два номера журнала, памятуя его добрые слова об американском издании *Der Ruf*. В предпоследнем номере *Der Ruf*, издаваемом Андершем и Рихтером, было помещено письмо Т. Манна, в котором он благодарил редакцию за присылку журнала, давал высокую оценку их публикаций, отмечая, что «журнал в Германии издается с той же свежестью, храбростью и интеллигентностью, с тем же духом открытости по отношению к положению Германии в мире и к ее трудностям, а также к ее надеждам, с какими он издавался в Америке»¹⁵⁰. Более того, Т. Манн выразил желание сотрудничать в будущем с *Der Ruf*. Однако в этой ситуации поддержка живого классика немецкой литературы, к мнению которого, как наивно полагали редакторы *Der Ruf*, прислушиваются в США, не дала желаемого результата, ибо к этому времени отношения между Т. Манном и официальной Америкой были уже довольно прохладными.

Заручившись поддержкой главного редактора *Die Neue Zeitung* Валленберга, считавшего, что, несмотря на критику, журнал «должен издаваться дальше и именно как оппозиционный»¹⁵¹, Андерш и Рихтер оставили редакционную политику *Der Ruf* без изменений, и неприятности (не без помощи Куби) не заставили себя ждать. Мартовские номера *Der Ruf* за 1947 год, в которых острой критике подверглась культурная политика американских властей¹⁵², их пренебрежительное отношение к немецкому населению и его нуждам¹⁵³, вызвали открытое недовольство американцев – журнал был оштрафован на три месяца снижением тиража на 20 000 экземпляров¹⁵⁴. Известная речь Г. Трумэна 12 марта 1947 г. о борьбе с коммунизмом, вызвавшая начало холодной войны, не замедлила сказаться на взаимоотношениях редакции *Der Ruf* с новыми американскими властями в Мюнхене, поспешившими

¹⁵⁰ “Thomas Mann über den *Ruf*.” *Der Ruf* (München) 15 (1947): 3.

¹⁵¹ Vaillant, J. *Der Ruf. Unabhängige Blätter...*: 130. – Валленберга постигла вскоре та же участь, что и редакторов *Der Ruf*, – он был отозван в США из-за несоответствия его деятельности принципам холодной войны.

¹⁵² Guggenheimer, W.M. “Unmaßgebliche Vorschläge zu einem umfassenden Austauschplan zwecks Rettung der deutschen Kultur.” *Der Ruf* (München) 14 (1947): 10–11.

¹⁵³ Klaas, G. (Andersch, A.). “Das patriotische Trinkwasser.” *Der Ruf* (München) 14 (1947): 8.

¹⁵⁴ Vaillant, J. *Der Ruf. Unabhängige Blätter...*: 124.

объявить Рихтера ни много ни мало агентом СЕПГ¹⁵⁵. В свою очередь, издательство “Nymphenburg” обманным путем получило согласие Андерша и Рихтера на временное расторжение контракта, якобы необходимое для его продления, и в тот момент, когда американские власти официально уведомили главу издательства об изъятии у него лицензии на издание *Der Ruf* по причине «откровенного нигилизма» его главных редакторов, последние уже не являлись препятствием для дальнейшего существования журнала. Вызов Андерша и Рихтера в «Отдел по контролю за информацией» был простой формальностью – к этому времени по договоренности с американскими властями новым редактором *Der Ruf* стал Э. Куби¹⁵⁶.

Внешне увольнение Андерша и Рихтера походило больше на сведение личных счетов издательства с неудобными редакторами, чем на политическую акцию, ибо трудно было понять, что имели в виду американские власти под формулировкой «откровенный нигилизм». Они так и не смогли объяснить этого ни непокорным редакторам *Der Ruf*¹⁵⁷, ни изумленной общественности. Некоторый свет на толкование этой формулировки проливает статья Ханса Лилье, опубликованная, как будто по заказу, в это же время в журнале *Zeitwende*. Нигилизм, считает Лилье, является «философией развалин», возникающей как следствие «физического, духовного и этического или религиозного истощения общества. При наличии огромнейших разрушений не остается ничего такого, к чему прежнее буржуазное общество могло бы примкнуть. На развалинах цивилизации в огромных масштабах растут запустение и пролетаризация, что [...] не является надлежащей питательной средой для духовного и культурного возрождения. На этой почве нельзя преодолеть грозящую Европе опасность нигилизма»¹⁵⁸. Более четкую формулировку нигилизма в понимании оккупационных

¹⁵⁵ Ibid.: 135.

¹⁵⁶ Ibid.: 136. Э. Куби также вскоре был изгнан из *Der Ruf*. Его балансирование между желанием сохранить хоть какое-то подобие прежнего *Der Ruf* и лояльностью по отношению к американским властям привело к тому, что последние обвинили его в неонационализме (Ibid.: 169).

¹⁵⁷ Андершу и Рихтеру так и не удалось получить от офицеров «Отделения по контролю за информацией» вразумительного ответа по поводу обвинения их в нигилизме. Оба офицера повторяли, как заведенные, одно слово «нигилизм». На этом кончались их объяснения (Richter, H.W. “Wie entstand und was war die Gruppe 47”: 74–75).

¹⁵⁸ Lilje, H. “Nihilismus.” *Zeitwende* 10–11 (April-Mai 1947). Цит. по: *Universitas* 10 (Oktober 1947): 1251.

властей дал позднее Г.В. Рихтер в романе «Линус Флек», заявив устами своего героя Вашботтеля, что под этим словом американцы понимали коммунистическую идеологию¹⁵⁹. Любое отклонение от политических установок «Отдела по контролю за информацией» вызывало у американцев опасение в приверженности того или иного издания идеям коммунизма, а нигилизм как удобная в силу своей неопределенности формулировка служил неким прикрытием имевшихся разногласий между союзниками, о которых немцам на первых порах не следовало знать. В дальнейшем обвинение в нигилизме служило удобным поводом для того, чтобы разделаться с неудобными лицами как в самой американской администрации, так и в общественной жизни Западной Германии.

Неясность мотивов ухода Андерша и Рихтера из редакции *Der Ruf* породило множество слухов и легенд. Наибольшей «популярностью» пользуется версия о возможном советском вмешательстве в конфликт (Г. Шваб-Фелиш), хотя ни один из авторов этой версии не может представить каких-либо доказательств ее правдивости¹⁶⁰. Сам Рихтер, не исключая этой версии, считал ее все же «фантастической»¹⁶¹. Ближе к истине был журнал *Der Spiegel*. Сообщение о запрете *Der Ruf* называлось «Слишком большое эхо»¹⁶². Об этом говорит подборка писем читателей как в самом *Der Ruf*, вызвавшая гнев американцев¹⁶³, так и в журнале *Der Spiegel* после публикации упомянутой статьи. Один из читателей писал: «На страницах *Der Ruf* пишет действительно и фактически молодая Германия – остро, критично, беспощадно к самим себе и к другим»¹⁶⁴.

Эти и подобные им высказывания читателей, как и принципиальное согласие американских властей на увеличение тиража журнала до 150 000 экземпляров, полученное незадолго до драматических событий марта-апреля 1947 года в редакции, явно противоречат мнению, что «влияние *Der Ruf* ограничивалось лишь кругом левой интеллигенции»¹⁶⁵. Напротив, влияние *Der Ruf* захватывало все более широкие

¹⁵⁹ Richter, H.W. "Wie entstand und was war die Gruppe 47": 148.

¹⁶⁰ Schwab-Felisch, H. "Einleitung." *Der Ruf. Eine deutsche Nachkriegszeitung*: 16.

¹⁶¹ Richter, H.W. "Wie entstand und was war die Gruppe 47": 68.

¹⁶² Anonym. "Zu viel Echo. *Der Ruf* wurde verboten." *Der Spiegel* 17 (1947): 12.

¹⁶³ "Rufe an den *Ruf*." *Der Ruf* (München) 14 (1947): 1.

¹⁶⁴ Schrader, H. "*Der Ruf* – unsere Stimme." *Der Spiegel* 18 (1947): 22.

¹⁶⁵ Gross, K. "Keineswegs wie Donnerhall." *Frankfurter Hefte* 18 (1962): 347.

слои населения, что и вызывало опасения американских властей, проводивших политику холодной войны. В данной ситуации резкая критика их действий, как и действий немецкой администрации, активно помогавшей осуществлению планов США по возрождению былой мощи монополистического капитала в Западной Германии, по вовлечению страны в приготовления к новой войне против СССР, справедливо расценивалась современниками как явление политическое. Последнее обстоятельство было важным и для формирования эстетических взглядов молодых писателей, проходивших «ученичество» в *Der Ruf*. Политическое единство членов его редакции, по мнению В. Шнурре, «было само собой разумеющимся фактом», и поэтому, когда редакция *Der Ruf* оказалась не у дел и попыталась продолжить свою деятельность в рамках «Группы 47», то сразу же выяснилось, что «по причине всеобщего единодушия о политической стороне предприятия не пришлось много говорить»¹⁶⁶. Политические принципы, определявшие будущую деятельность «Группы 47» (антифашизм, антимилитаризм, антиавторитаризм), сформировались и окрепли в недрах *Der Ruf*, и в этом заключается непреходящая ценность этого издания для судеб молодой западно-германской литературы, основы которой лежат в публицистике *Der Ruf*. Пройдя политическую школу *Der Ruf*, какими бы наивными ни казались теоретические постулаты ее идеологов, молодые писатели, создав «Группу 47», продолжили традиции этой школы в литературе.

Весь парадокс взаимоотношений между авторами американского и мюнхенского *Der Ruf* и инициаторами возникновения этого издания заключался в том, что все они говорили об одном и том же, только на разных языках, ибо каждая из сторон этого необычного альянса преследовала абсолютно противоположные цели. Американцы, не обладавшие в стране опытом разнонаправленных политических борений и переплетений, действовали достаточно прямолинейно, не оглядываясь по сторонам, и немцы, прошедшие школу множества партийных объединений с полярными программами, отяжеленных к тому же экстремальными последствиями, оказались жертвами политической наивности – одни, убежденные в правоте избранного ими политического и экономического бытия (маккартизм с его последствиями еще только проклеивался); другие, обескураженные мировыми войнами и крушением европейской основательности, хотя и не потерявшие надежды обретения прежней, слегка подправленной

¹⁶⁶ Sandmeyer, P. "Schreiben nach 1945...": 201.

жизни. Столкновение этих двух социально-политических континентов с разнонаправленными векторами в попытке гуманитарного сближения не дало обеим сторонам желаемого результата. По крайней мере, в части литературной обе стороны остались при своих картах. Возникшая слабая искра не смогла разжечь общий костер. Каждая сторона грелась у своего камелька, и последующие события – приглашение «Группы 47» в 1966 г. провести свою встречу в США в Пристонском университете – только подтвердили, что эксперимент, проведенный в Форт Гетти и в Форт Кэрней, не удался.

Но это уже другая история, не менее интересная для понимания взаимоотношений между бывшими учителями и учениками.

ЛИТЕРАТУРА

Аллен У. Традиция и мечта. М.: Прогресс, 1970.

История литературы ФРГ / Под ред. И. Фрадкина. М.: Наука, 1980.

Лан В. США в военные и послевоенные годы (1940–1960). М.: Наука, 1978.

Олсен А. Судьба гамбургского «Зеркала» // За рубежом. 1965. № 30.

Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М.: Международные отношения, 1969.

Andersch, A., Simonow, K. *Ein Briefwechsel*. Berlin: Verlag Volk u. Welt, 1978.

Böhringer, G. “Zeitschriften der jungen Generation.” *Zur literarischen Situation 1945–1949*, hrsg.v. G. Hay. Kronberg: Athenäum-Verlag, 1977: 86–117.

Borchers, H., Vowe, K. *Die zarte Pflanze Demokratie. Amerikanische Re-education in Deutschland im Spiegel ausgewählter politischer und literarischer Zeitschriften (1945–1949)*. Tübingen: Narr, 1979.

Deine Söhne, Europa: Gedichte deutscher Kriegsgefangener, hrsg.v. H.W. Richter. München: Deutscher Taschenbuch, 1985.

Der Ruf: unabhängige Blätter der jungen Generation. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1975.

Die fünfziger Jahre. Als das Leben wieder anfing, hrsg.v. D. Franck. München: Piper, 1981.

Die Gruppe 47: ein kritischer Grundriss, hrsg.v. H.L. Arnold. München: Text + Kritik, 1980.

Die Literatur der Bundesrepublik Deutschland, hrsg.v. D. Lattmann. Zürich: Kindler, 1973: 46.

Gehring, H. *Amerikanische Literaturpolitik in Deutschland 1945–1953*. Stuttgart: Metzler, 1976.

Hocke, G.R. *Die Welt als Labyrinth. Manierismus in der europäischen Kunst und Literatur*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1987.

Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48. Erfahrungen mit Deutschland*. Frankfurt/Main: Fischer, 1984.

Kolbenhoff, W. *Von unserem Fleisch und Blut*. Frankfurt/Main: Fischer, 1983.

Kuby, E. *Aus schöner Zeit. Vom Carepaketen zur Nachrüstung: der kurze deutsche Urlaub*. Hamburg: Rasch und Röhring, 1984

Kuby, E. *Mein ärgerliches Vaterland*. München: C. Hanser, 1989.

Mann, Th. *Briefe 1948–1955*. Frankfurt-am-Main: S. Fischer, 1965.

Mann, Th. *Tagebücher 1946–1948*, hrsg.v. I. Jens. Frankfurt/Main: Fischer, 1989.

Mayer, H. *Die umerzogene Literatur. Deutsche Schriftsteller und Bücher 1945–1967*. Berlin: Siedler, 1988.

Morin, E. *Das Jahr Null: Ein Franzose sieht Deutschland*. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1947.

Morrien, A. "Interview mit Hans Werner Richter 1951." *Dichter und Richter. Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur*. Berlin: Die Akad, 1988.

Richter, H.W. *Briefe*, hrsg.v. S. Cofalla. München, Wien: Carl Hanser, 1997.

Richter, H.W. *Die Geschlagenen*. München: C. Bertelsmann Verlag, 1960.

Sandmeyer, P. "Schreiben nach 1945. Ein Interview mit Wolfdietrich Schnurre." *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*, hrsg.v. N. Born und J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 191–203.

Schäfer, H.D. *Das gespaltene Bewußtsein. Deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945*. München, Wien: C. Hauser, 1981.

Schmidt, A. *Leviathan und Schwarze Spiegel*. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979.

Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter der jungen Generation (1945–1949)*. München: Saur, 1978.

Vinz, K. "Zur Geschichte des RUF – Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen in USA." *Der Ruf. Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen*. Faksimile-Ausgabe. Schutzumschlag. München: Saur Verlag, 1986.

Wehdeking, V. *Anfänge westdeutscher Literatur: Aufsätze, Interviews, Materialien*. Aachen: Alano-Verl., 1989.

Wehdeking, V. *Der Nullpunkt. Über die Konstituierung der deutschen Nachkriegsliteratur (1945–1949) in den amerikanischen Kriegsgefangenenlagern*. Stuttgart: Metzler, 1971.

REFERENCES

Allen, U. *Traditsiia i mechta*. [Tradition and Dream.] Moscow: Progress Publ., 1970. (In Russ.)

Andersch, A., Simonow, K. *Ein Briefwechsel*. Berlin: Verlag Volk u. Welt, 1978.

Böhringer, G. “Zeitschriften der jungen Generation.” *Zur literarischen Situation 1945–1949*, hrsg.v. G. Hay. Kronberg: Athenäum-Verlag, 1977: 86–117.

Borchers, H., Vowe, K. *Die zarte Pflanze Demokratie. Amerikanische Re-education in Deutschland im Spiegel ausgewählter politischer und literarischer Zeitschriften (1945–1949)*. Tübingen: Narr, 1979.

Deine Söhne, Europa: Gedichte deutscher Kriegsgefangener, hrsg.v. H.W. Richter. München: Deutscher Taschenbuch, 1985.

Der Ruf: unabhängige Blätter der jungen Generation. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint, 1975.

Die fünfziger Jahre. Als das Leben wieder anfing, hrsg.v. D. Franck. München: Piper, 1981.

Die Gruppe 47: ein kritischer Grundriss, hrsg.v. H.L. Arnold. München: Text + Kritik, 1980.

Die Literatur der Bundesrepublik Deutschland, hrsg.v. D. Lattmann. Zürich: Kindler, 1973: 46.

Gehring, H. *Amerikanische Literaturpolitik in Deutschland 1945–1953*. Stuttgart: Metzler, 1976.

Hocke, G.R. *Die Welt als Labyrinth. Manierismus in der europäischen Kunst und Literatur*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1987.

Istoriia literatury FRG, ed. by I. Fradkin. [History of West German Literature.] Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

Jaspers K. *Kuda dvizhetsia FRG? Fakty. Opasnost'. Shansy*. [Where Is West Germany Going? Facts. Danger. Chances.] Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1969. (In Russ.)

Kolbenhoff, W. *Schellingstraße 48. Erfahrungen mit Deutschland*. Frankfurt/Main: Fischer, 1984.

Kolbenhoff, W. *Von unserem Fleisch und Blut*. Frankfurt/Main: Fischer, 1983.

Kuby, E. *Aus schöner Zeit. Vom Carepaketen zur Nachrüstung: der kurze deutsche Urlaub*. Hamburg: Rasch und Röhring, 1984

Kuby, E. *Mein ärgerliches Vaterland*. München: C. Hanser, 1989.

Lan, V. *SShA v voennye i poslevoennye gody (1940–1960)*. [The USA in War and Postwar Period (1940–1960).] Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russ.)

Mann, Th. *Briefe 1948–1955*. Frankfurt-am-Main: S. Fischer, 1965.

Mann, Th. *Tagebücher 1946–1948*, hrsg.v. I. Jens. Frankfurt/Main: Fischer, 1989.

Mayer, H. *Die umerzogene Literatur. Deutsche Schriftsteller und Bücher 1945–1967*. Berlin: Siedler, 1988.

Morin, E. *Das Jahr Null: Ein Franzose sieht Deutschland*. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1947.

Morrien, A. “Interview mit Hans Werner Richter 1951.” *Dichter und Richter. Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur*. Berlin: Die Akad, 1988.

Richter, H.W. *Briefe*, hrsg.v. S. Cofalla. München, Wien: Carl Hanser, 1997.

Richter, H.W. *Die Geschlagenen*. München: C. Bertelsmann Verlag, 1960.

Sandmeyer, P. “Schreiben nach 1945. Ein Interview mit Wolfdietrich Schnurre.” *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*, hrsg.v. N. Born und J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 191–203.

Schäfer, H.D. *Das gespaltene Bewußtsein. Deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933–1945*. München, Wien: C. Hauser, 1981.

Schmidt, A. *Leviathan und Schwarze Spiegel*. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1979.

Vaillant, J. *Der Ruf: Unabhängige Blätter der jungen Generation (1945–1949)*. München: Saur, 1978.

Vinz, K. “Zur Geschichte des RUF – Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen in USA.” *Der Ruf. Zeitung der deutschen Kriegsgefangenen*. Faksimile-Ausgabe. Schutzumschlag. München: Saur Verlag, 1986.

Wehdeking, V. *Anfänge westdeutscher Literatur: Aufsätze, Interviews, Materialien*. Aachen: Alano-Verl., 1989.

Wehdeking, V. *Der Nullpunkt. Über die Konstituierung der deutschen Nachkriegsliteratur (1945–1949) in den amerikanischen Kriegsgefangenenlagern*. Stuttgart: Metzler, 1971.